

Жаркое лето Хазара

Автор:

Агагельды Алланазаров

Жаркое лето Хазара

Агагельды Алланазаров

Новый роман писателя Агагельды Алланазарова «Жаркое лето Хазара», став одним из бестселлеров туркменской литературы, вызвал у читателей большой интерес. Роман не является историческим произведением, но он и не далек от истории. В нем на примере семьи Мамметхановых широко освещены почти уже ставшие историческими события недавних лет. В новом произведении писателя переход страны от одного общественного строя к другому получил художественное воплощение через драматические события жизни героев.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

ГОРЫ, ОКУТАННЫЕ ТУМАНОМ

Кажется, весна, которой так полюбился свежий воздух, решила после полудня еще раз умыть Ашхабад дождем и принести ему прохладу. Хотя еще совсем недавно прошел ливень, заливший город потоками воды. Надвигающиеся со стороны Копетдага темно-серые тучи, дымясь и закручиваясь черными быками, напирая всей массой, производили угрожающее впечатление. Похоже, они не собирались утихать все сорок дней и ночей до тех пор, пока не поглотят вокруг все, кроме серого Ноева ковчега. Однако совсем скоро они осознали ясно, где и зачем они находятся и какое время года на дворе. Как правило, весенние тучи очень быстро рассеиваются.

Накрыв собой город, темные тучи еще некоторое время поливали его потоками дождя. Вволю насладившись шалостями своими, они отступились и быстренько ретировались туда, откуда и явились, – в сторону Копетдага, чьи взметнувшиеся

над городом высокие пики были видны издалека.

Не успели тучи, наспех собрав свое разбросанное повсюду добро, рассеяться, как на небе снова засияло солнце. Мир вновь озарился яркими красками весны и стал напоминать обеспокоившую женщину, женщину-загадку, хранящую какую-то тайну, открыть которую не имеет никакой возможности, хотя ей и очень хочется хоть с кем-то поделиться тем, что так волнует ее.

Самолет, вылетевший из Стамбула, должен приземлиться в Ашхабадском аэропорту не позднее чем через два часа.

Ровно две недели назад супруга Хасара Дунья рано утром вылетела с этого аэропорта в Стамбул.

Когда Хасар прибыл в аэропорт, чтобы встретить жену, до прилета лайнера было еще достаточно времени. Он приехал намного раньше назначенного часа.

Хасар по-прежнему, как и в юношеские годы, с нетерпением ждал приземления самолета, потому что на нем возвращалась Дунья. С тех пор, как Дунья позвонила из Стамбула и сообщила о дне своего возвращения, Хасар уже много раз мысленно встречал ее в аэропорту. И когда ехал сюда, он знал, что до прилета воздушного судна еще много времени.

Хасар, всю жизнь служивший в армии, и прежде не раз встречал свою Дунья в аэропортах многих стран. И в этот раз, получив от нее сообщение, он сразу же понял, что не успокоится до тех пор, пока не поедет на встречу с ней, не встретит ее и не привезет домой. В его жизни и судьбе такие встречи-расставания стали делом привычным.

С недавних пор Дунья приступила к работе переводчиком-помощником в известной на всю страну фирме «Хасан». Наконец-то настал час ее английского, который она с упоением изучала в юности, но который так и не пригодился ей до этих дней в жизни. Помимо этого, Дунья как жена военнослужащего свыше пятнадцати лет жила в предместье Берлина, поэтому хорошо знала и немецкий язык.

А недавно руководитель фирмы, в которой она трудилась, заручившись покровительством одной из ведущих турецких компаний и объединив с нею свои

капиталы, начал пробивать большое дело, интерес к которому проявляли обе стороны.

Выехав на мокрые, от только что прошумевшего ливня улицы города, Хасар знал, что едет в аэропорт слишком рано, и чтобы как-то потянуть время, подумал было о том, чтобы по пути завернуть домой к сыну, обрадовать внучат сообщением о возвращении бабушки, а заодно, если получится, выпить пиалу-другую настоявшегося чая. Но, вспомнив, как, играя с внуками, он забывает обо всем на свете и не замечает ушедшего времени, понял, что и в этот раз может заиграться и опоздать к самолету, а потому решил, что уж лучше никуда не сворачивать, а ехать прямо в аэропорт. И потом, внукам будет гораздо приятнее, если он вместе с собой привезет на машине и их любимую бабушку. Представив, как обрадуется Дунья, которая в последнее время относилась к внукам с большей теплотой, чем когда-то к собственным детям, как она прижмет их к груди со словами «Мои родные, котятки мои!», Хасар, вспомнив это, испытал какое-то особенное удовольствие.

Ему хотелось встретить Дунью так, как это было в прежние времена, – он ловил взглядом снижающийся самолет, словно хотел прямо в небе поймать летящую на нем жену. Хотя, когда он позвонил и сообщил, что встретит ее, она ответила: «Если ты будешь занят, не переживай, нас встретит машина фирмы и развезет по домам». Но Хасар сразу же отверг ее предложение. Полушутя – полусерьезно ответил: «Нет, моя дорогая, ничего у тебя не выйдет. Я должен сам встретить тебя и по пути к детям мы завернем домой. Есть у меня одна мыслишка – приласкать тебя в укромном местечке...»

Прошедшие две недели Хасар волновался, как молодожен, жену которого как кайтарму отправили к родителям, поэтому с нетерпением ждал ее возвращения. Почти тридцать лет они прожили вместе, соединенные телом и душой как сиамские близнецы, и за все эти годы он никогда не расставался с своей Дуньей так надолго. Хасар был человеком, который вообще не выносил одиночества.

Уезжая в командировку в Стамбул, она сообщила, что намерена вернуться через неделю, но когда до возвращения оставался всего один день, специально позвонила Хасару и сообщила, что человек, с которым они должны были встретиться здесь, сейчас находится в другой стране, поэтому они вынуждены еще на неделю продлить срок своей командировки.

Хасар тогда возмутился про себя: «А разве с нужным человеком не созваниваются, заранее не договариваются, чтобы ехать именно тогда, когда он будет на месте?». Ему трудно было вынести продленную еще на неделю разлуку. Но прошло какое-то время, и когда возвращение Дунья становилось все ближе, прежние мысли как-то поблекли, и он стал с пониманием относиться к тому, что Дунья не на отдых поехала, а решает рабочие вопросы, да в какой-то степени и о благополучии семьи заботится. Эти мысли немного успокоили Хасара.

Он мысленно смирился с тем, что в интересах дела Дунья проведет в Стамбуле еще неделю. А свое нетерпение и желание привезти жену домой он объяснял тем, что соскучился по женской ласке, по объятьям любимой женщины.

В аэропорту Хасар поставил машину на стоянке и вошел в здание аэровокзала. Просторный зал ожидания был полупуст. До прилета ожидаемого самолета было еще достаточно времени. Хасар поднялся на второй этаж и направился в кафе, чтобы выпить пару чашек кофе и там же переждать время до прилета самолета. «А что, здесь можно неплохо провести время, да и обзор отсюда хороший!» подумал он и сел за пустующий столик у стеклянной стены. Выдвинув стул и устроившись удобнее, он расстегнул верхние пуговицы сорочки и стал не спеша осматриваться.

Высокая, со стройными длинными ногами под короткой юбкой девушка блондинка ходила меж столами и, дразня своими прелестями, обслуживала посетителей. Через некоторое время она подошла к столику Хасара с блокнотом в руках.

– Что будете заказывать?

– Принесите мне горячего кофе!

– У нас не подают холодного кофе. Говорите, что вам еще принести! – Блондинка уставилась на Хасара, ожидая, что он закажет еще и что-нибудь из еды.

– Пока принесите кофе, а там видно будет.

Похоже официантка осталась недовольна заказом Хасара, отходя от его столика, она скривила рот в ухмылке.

За годы совместной жизни для Хасара стало привычным вот так встречать свою жену. Эти моменты были связаны с его службой военным врачом в разных частях света – в российских городах, а затем в составе войск СССР в Германии.

Погрузившись в мысли о том времени, когда он встречал свою Дунью в разных аэропортах, Хасар снова испытал приятные чувства, ему показалось, что те дни вновь приблизились к нему.

... Мысленно он снова был в Берлинском аэропорту, пристально вглядывался в летное поле, словно собираясь поймать Дунью в воздухе, разглядывал посадочную полосу и, предаваясь приятным воспоминаниям, представлял момент встречи с ней.

Каждое лето, отправляясь на Родину в отпуск, они ехали всей семьей, но когда отпуск заканчивался, Дунья с детьми еще на какое-то время оставалась с родителями и родней, поэтому чаще всего из отпуска Хасар возвращался в свою часть один. Почти каждый год его дети еще месяц-другой гостили у бабушек и дедушек, а когда до начала учебного года оставалась неделя – дней десять, соскучившись по отцу, возвращались домой.

... Только что в Берлинском аэропорту приземлился самолет из Москвы, и вот уже по трапу спускаются пассажиры этого рейса. Хасар стоит в толпе встречающих и пристально всматривается в заходящих в здание аэровокзала людей. На какое-то мгновение ему почудилось, что люди выходят не из самолета, а спускаются по ступеням, проложенным между небом и землей, прямо из чрева неба. Издали длинное зеленое платье сходящей по трапу Дуньи напоминает развевающийся флаг. Вот она уже идет в толпе прилетевших, держа за руки детей, и озирается по сторонам, выискивая среди встречающих своего Хасара, идет торопливым шагом, а он видит, как вертит она головой и ищет его. И как только увидит, радостно улыбнется, а потом помашет поднятой рукой: «Мы здесь!» Дунья весело сообщит детям, что увидела их отца, тогда и они, радуясь предстоящей встрече, будут смотреть туда же, куда смотрит их мать, чтобы увидеть отца. Сердца всех переполняет радость.

Попивая принесенный официанткой горячий кофе и разглядывая через стеклянную стену залитый дождем от горизонта до горизонта окружающий мир, Хасар сидел, погружившись в воспоминания о счастливом для него времени. Справа от Хасара, прямо перед зданием аэропорта, стояли выстроившиеся в ряд «Боинги», напоминавшие красавцев-скакунов, которых только что искупали.

Временами где-то далеко на горизонте садился самолет и, сбрасывая скорость, начинал двигаться в сторону аэровокзала, а гаснущий звук его двигателей напоминал храп коня, подходящего к своему стойлу.

Поскольку все мысли Хасара были пронизаны любовью и нежностью к Дунье, то были они притягательными и приятными.

Вот перед мысленным взором снова появилась Дунья. Они с Хасаром собираются в гости, и она прихорашивается перед зеркалом: наряжается и укладывает волосы, делает это не спеша, с чувством. Любуется своим отражением в зеркале и остается довольной: «Хороша!»

А Хасар уже давно готов, он выгнал из гаража машину и ждет ее во дворе. Поглядывая на часы, нервничает: «Ну что она там застряла?» Она все не идет и не идет, и тогда Хасар выключает двигатель автомобиля и идет за женой в дом. А Дунья все еще стоит перед зеркалом, то с одной стороны на себя посмотрит, то с другой, перебирает платья, не зная, какое из них выбрать, платки, чтобы выглядеть особенно нарядной. Хасар вернулся, недовольно ворча: «Ты что, приклеилась к зеркалу, пойдем уже, коли собрались!» Понимая, что это она задерживает обоих, Дунья повернется к нему с виноватым видом и покаянно улыбнется, но тут же, зная, что она любимая женщина, все прихоти которой всегда выполняются, кокетливо ответит: «Да, иду я, уже иду!» И снова превратится в желанную женщину Хасара.

В такие минуты Хасар, возбужденный и охваченный желанием, забыв обо всем на свете, хватал жену на руки и уносил с этого места, в спальню, не обращая внимания на сопротивление и возмущенные возгласы Дуньи...

А потом Дунья, завернувшись в смятую простыню, начнет собирать одежду, впопыхах раскиданную по всей комнате, и, делая обиженный вид, с любовью и нежностью произнесет:

– Ох уж эти мужчины, ну, совсем у них терпения нет. Стоит их женам начать наряжаться, как они перестают сопротивляться своим желаниям, кидаются на них.

Этот момент для Хасара был одним из самых приятных и запомнившихся.

Заново одеваясь, Дунья ворчала на мужа, но для него ее голос в эти минуты был самой завораживающей музыкой.

Занятый своими мыслями Хасар вдруг почувствовал у себя за спиной чей-то взгляд. И не ошибся. Сделав вид, что ищет взглядом официантку, он обернулся и увидел сидящих через пару столиков от него за отдельным столом броско одетую женщину лет сорока-сорока пяти и девочку двенадцати-тринадцати лет с лучистыми глазами. Они с загадочным видом наблюдали за окружающими и о чем-то вполголоса переговаривались, похоже, делились секретами.

Хасар обернулся, и женщина сделала вид, что смотрит не на него, а куда-то дальше, разглядывает самолеты, виднеющиеся через стеклянную стену за его спиной.

Как бы там ни было, от внимания Хасара не ускользнул ее вороватый взгляд и то, как она попыталась быстро отвести его и покраснела. Даже не зная, о чем говорили женщина и девочка, Хасар догадался, что речь шла о нем. Поэтому-то Хасар и подумал, что, вероятно, это его знакомые, только никак не мог вспомнить, откуда он их знает. Напрягая память, Хасар внимательно посмотрел на женщину, пытаясь припомнить ее, но все его старания оказались напрасны: он так и не вспомнил, откуда он знает эту нарядную даму и сидящую рядом с ней девочку. Хасар вполне допускал, что никогда прежде не встречал эту женщину. Ведь, если они знакомы, было бы логичным, чтобы женщина подала какой-то знак, головой бы что ли кивнула или улыбкой приветствовала его. Потом он подумал, что внимание женщин привлек не он сам, а его военная форма. Сшитая из темно-синего сукна военная форма была Хасару к лицу, она делала его стройным, в ней он выглядел гораздо младше своих лет, хотя и был серьезен и учтив. Он и прежде ловил на себе любопытные взгляды женщин, знал, что нравится им. Но больше других встрече с ним радовались мальчишки, мечтавшие стать командирами. Нередко держась за руку матери, они говорили: «Мама, когда я вырасту, стану таким же командиром, как вон тот дядя!» Мать и сын с удовольствием смотрели на Хасара и улыбались ему, а для Хасара это были приятные минуты его жизни.

Хасару эта женщина показалась человеком со вкусом, во всяком случае, в том, как она одета, чувствовался хороший вкус, умение преподнести себя посредством одежды. Волосы, собранные на затылке пучком, она подвязала тонким голубым платком в мелкий цветочек. Из-под кожаной безрукавки с отворотами выглядывал кусок платья темно-зеленого цвета с большой

вышивкой. Она говорила, чуть подавшись вперед, отчего ее полные груди касались стола. Непонятно почему, но Хасару во взгляде женщины почудился непраздный интерес вперемешку с желанием, но в то же время и едва уловимая ирония.

Хасар вдруг понял, что эта женщина всего лишь одним мимолетным взглядом заняла все его мысли, и он, как рыбка, клюнул и попался на ее крючок. Правда, поначалу Хасар пытался как-то оправдать себя: «Глаза на то и даны, чтобы смотреть, куда захочется». Но тут же отогнал эту мысль. Ему и в самом деле показалось, что во взгляде женщины были то ли какое-то беспокойство, то ли насмешка, а может, и еще что-то. Он и сам не заметил, как стал думать обо всем этом.

По тому, как одета женщина, а на ней была одежда современного кроя, как унизаны золотыми кольцами ее пальцы, а на шее сверкал толстенный золотой «трос», Хасар сделал вывод, что она является разбалованной женой какого-нибудь «нового туркмена», из тех, кто разбогател за последние годы.

Удивительнее всего то, что после случайно брошенного взгляда нарядная женщина больше ни разу не повернула головы в сторону Хасара, как будто утратила к нему всякий интерес. Лениво потягивая принесенный официанткой кофе, она изредка что-то говорила сидящей напротив нее девочке.

Как ни старался Хасар, так и не вспомнил, откуда он знает эту показавшуюся ему знакомой женщину. А потом, как и бывало с ним всегда, мысли о незнакомой женщине куда-то ушли, а вместо них вернулись возбуждающе-радостные мысли о его любимой Дунье.

Приближалось время прибытия рейса из Стамбула. Каждый раз, когда на взлетном поле Ашхабадского аэропорта приземлялся самолет, Хасар испытывал волнение, как будто именно из этого самолета должна выйти Дунья. Он и сам не заметил, как снова стал думать о жене...

Хасар познакомился с Дуньей в тот год, когда он, окончив третий курс медицинского института в Ашхабаде, приехал для продолжения учебы в Ленинградский мединститут. В те годы практиковалось такое: лучших из студентов Туркменского мединститута направляли в более сильные учебные заведения страны для продолжения занятий. Хасар тоже был одним из тех

студентов, приехавших в Ленинград по направлению. В комнате общежития он жил вместе с приехавшим на два года раньше него парнем по имени Каков.

В один из дней Каков сообщил, что в следующее воскресенье собирается отметить свое двадцатипятилетие, и Хасар охотно поддержал его: «Любой другой день рождения можно не отмечать, но двадцать пятый день рождения оставлять без внимания нельзя ни в коем случае. Неплохо было бы кого-нибудь из наших девчонок, ну хотя бы Джахан, попросить приготовить плов!» Имя Джахан он назвал неспроста: Джахан была однокурсницей Какова, и они мечтали сразу же по окончании института сочетаться браком и сыграть свадьбу. Девушка часто навещала своих земляков, Хасару не раз доводилось пробовать плов, приготовленный Джахан. Каков вспомнил, что в Ленинграде есть и еще одна девушка, его троюродная племянница, родители которой по-родственному просили его присмотреть за ней в чужом городе. Недавно он вместе с Джахан навестил эту девушку в общежитии. Девушку зовут Дунья.

Она пришла на день рождения дяди вместе с двумя соседками по комнате. Сам того не замечая, Хасар стал думать о Дунье с той минуты, как увидел ее.

Про себя отметил, что девушка кажется младше своих лет, во всяком случае, явно не студенческого возраста. Ее роскошные волосы были красиво подстрижены и ниспадали до плеч, эта стрижка делала ее похожей больше на европейскую, нежели на восточную девушку, и лишь нарядное зеленое шелковое платье с изящной вышивкой выдавало в ней туркменку. Она была так хороша, что сразу же привлекала к себе всеобщее внимание. Придя в гости, Дунья представила собравшимся своих подруг, после чего активно включилась в работу, помогала Джахан и другим девушкам, занятым приготовлением плова, сновала между комнатой и кухней, несла оттуда все, что нужно было для праздничного стола. Как-то раз Хасар наблюдал за тем, как Дунья заправляла сметаной нарезанный салат и перемешивала его. Он увидел, как она исподлобья бросила на него быстрый взгляд, но тотчас опустила глаза и зарделась от смущения. Чтобы скрыть свое волнение, Дунья, как ни в чем не бывало, полуобернулась к Джахан, которая ничего не видела и в это время перемешивала плов.

Хасар не знал в точности, о чем в этот момент подумала девушка, но догадался, что ее мысли каким-то образом коснулись его. Торжество было организовано в небольшой комнате, в которой Каков жил вместе с Хасаром, но во всем чувствовалась женская рука: все было аккуратно расставлено по своим местам,

а потому комната стала казаться просторнее. В ожидании приглашения к столу ребята стояли у окна, курили и о чем-то переговаривались между собой, стараясь не мешать девчонкам в их работе.

Вскоре после того, как пришли все приглашенные, Джахан на правах хозяйки этого торжества принесла блюдо с дымящимся пловом из курицы, поставила его в центре стола и радушно пригласила всех за праздничный стол. Рассадив гостей по местам, сняла с себя фартук и села рядом с Каковым. Дунья расположилась возле Джахан. Напротив нее около ее дяди Какова сидел Хасар. Как и Каков, он был в выходном костюме, волосы аккуратно зачесаны на затылок.

Постепенно обстановка за столом разрядилась, стало шумно и весело. Все находились в приподнятом настроении. Встав с места, Дунья поздравила дядю с днем рождения и от себя и подруг вручила ему завернутый в бумагу подарок, после чего приподнялась на цыпочках и нежно поцеловала его в щеку. Когда она с бокалом шампанского в руках произносила тост, было видно, как она волнуется, от смущения на щеках ее вспыхнул румянец.

– Желаю дяде доброго здоровья и долгих лет жизни, чтобы он благополучно завершил учебу и вступил в брак со своей любимой девушкой, – Дунья лукаво посмотрела в сторону сидящей рядом с ее дядей Джахан, с улыбкой на лице и благодарностью принимающей относящиеся к ней слова. – Дай-то Бог и нам получить образование, достичь своей цели и благополучно вернуться на Родину!

Ее тост, произнесенный с некоторой долей жеманства, вдохновил гостей. Хасар с завистью посмотрел на соседа, удостоившегося поцелуя. Повязывая на шею Какова галстук, купленный по случаю двадцатипятилетия друга, Хасар шутливо произнес:

– Пусть твоя избранница держится за этот галстук и повсюду тянет тебя за собой со словами: «За мной, мой любимый верблюд!»

Через пару дней Хасар понял, что незнакомая девушка обожгла его одним своим взглядом и запала в душу. Теперь образ Дуньи постоянно был у него перед глазами. Он вспоминал, как она разговаривала с гостями на том дне рождения, с каким интересом смотрела на него. Эти воспоминания заставляли его заново переживать какое-то непонятное, но приятное и волнующее чувство, ощущение

ее прикосновения к нему.

Ему очень хотелось поделиться своими чувствами с Каковым, намекнуть ему о своих сокровенных мыслях, попросить совета. Но зная, что Каков считает ее еще ребенком, опасался услышать от него обидные для себя слова, а тогда все может запутаться еще больше. Но неожиданно вспыхнувшее в нем и завладевшее всем его существом чувство не давало покоя, лишало его уверенности в себе. Ему хотелось хотя бы краем глаза увидеть Дунью, он не в состоянии был усидеть на одном месте. И вот однажды в воскресенье Хасар вышел из дома в надежде встретить девушку. Когда он вышел из трамвая рядом с общежитием Дуньи, солнце уже было в зените.

В этот день Дунья и ее соседки по комнате встали позже обыкновения, они хорошенько выспались и только сейчас сели завтракать. Вчера вечером, собравшись вместе, они стали вспоминать день рождения дяди Дунья как приятное событие, и в разговоре несколько раз упомянули имя Хасара. Пухленькая Валентина, хитро посмотрев на Дунью, сообщила: «А он влюбился в тебя!» давая понять, что вот и за Дуньей приплыл на алых парусах долгожданный принц. «Тебе показалось!» – возразила Дунья, нахмутив брови. Но потом, оставшись наедине с собой, поняла, что при упоминании имени Хасара в ее душе возникает какой-то трепет, и она испытывает неизъяснимое волнение. С этой минуты девушка поняла, что в ее собственном мире появился человек, о существовании которого она еще совсем недавно даже не подозревала. Стройная фигура Хасара то и дело оживала в сознании девушки, и чем дольше она видела его своим мысленным взором, тем сильнее ощущала происходящие в ее жизни перемены. Чтобы снова и снова переживать эти приятные минуты, Дунья, оставшись наедине с собой, невольно скрещивала руки на груди и закрывала глаза.

На стук в дверь все три девушки отозвались одновременно: «Входите, дверь открыта!», решив, что пришел кто-то из соседей по общежитию, как это водится у студентов, чтобы одолжить соль, спички, нож, посуду или еще что-то. Но когда на пороге появился Хасар с букетом цветов в одной руке и с тортом в другой, две русские девушки из этой комнаты, сверкнув глазами, с завистью и восхищением посмотрели на Дунью, словно спрашивая ее: «Ну, а мы что говорили?»

Однокурсницы, сразу же сообразившие, что происходит, подбежали к двери и встретили Хасара, усадили его рядом с растерянной Дуньей, которая глазам

своим поверить не могла, улыбалась застенчиво, краснела, двумя руками держась за ворот домашнего халата. Дунья думала о Хасаре, но она и в мыслях не держала, что ее заветное желание может сбыться так быстро. Подруги Дуньи поставили на стол вазу с цветами, для приличия съели по кусочку торта и сразу же заспешили по своим делам: надо было оставить влюбленных наедине. Поняв, что наедине с Хасаром она будет чувствовать себя неловко, Дунья попыталась остановить девчонок: «Да куда вы, не уходите!», но у нее ничего не вышло, потому что те-то хорошо знали, чем все может закончиться. Ушли, оставив их наедине и пожелав хорошего настроения, смеясь и представляя, что может произойти после их ухода.

Девушку все еще била мелкая дрожь. Она появилась у Дуньи в тот момент, когда на пороге, словно в счастливом сне, неожиданно появился Хасар. Они оба тогда испытали одинаковое волнение. Сейчас, увлеченные мыслями друг о друге, забыв обо всем на свете, еще не догадывались, что именно в эти минуты у них зарождается другая жизнь, в которой не будет места никому, кроме них двоих.

Подумав о том, что находится у себя дома, а Хасар у нее в гостях, что должна уделить ему внимание, в противном случае он никогда больше не появится здесь, а она совершенно не желает такого поворота событий, Дунья немного осмелела и взяла себя в руки. Спросила у гостя, как поживает ее дядя Каков. С присущей женщинам памятью вспомнила, какой вкусный плов приготовила Джахан на его дне рождения, и по-женски позавидовала тому, как по-хозяйски вела себя та. Но все равно разговор не клеился, они чувствовали себя скованно, мешало волнение, которым они все еще были охвачены. Их беседа сводилась к кратким вопросам и таким же коротким ответам. Смущенная девушка чувствовала, что ее состояние передалось и Хасару, он от волнения тоже не мог сказать что-то путное, так что его состояние было ничуть не лучше, чем у девушки. Обстановка была напряженной, им обоим было не по себе. За дверью были слышны шаги, голоса, иногда эти шаги приближались к двери, и казалось, что вот сейчас в комнату войдет кто-то посторонний. Ради приличия Хасар сделал глоток чая, предложенного ему хозяйкой комнаты, но не прикоснулся к принесенному им самим торту. Погрузившись в свои мысли, рассеянно отвечал на вопросы девушки. Временами поднимал голову и украдкой бросал смущенные взгляды на сидящую перед ним девушку, на ее роскошные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Хасар все никак не мог решиться и сказать девушке те слова, которые просились наружу, ему вообще казалось, что он засиделся, и ему пора идти. Наконец, он решился. Обратив свои слова в шутку, он все же сказал девушке то, ради чего пришел сюда.

– Дунья, я ведь пришел к вам по объявлению!

– Что еще за объявление? – Дунья не сразу уловила скрытый в словах Хасара подтекст и удивленно пожала плечами.

– Вы же недавно разместили в газете объявление, что ищите персонального врача. Так вот, я пришел к вам, чтобы предложить свои услуги и стать вашим личным врачом.

Поначалу Дунья не заметила юмора в словах Хасара, и чуть было не спросила: «Когда это я давала такое объявление?» но потом вдруг до нее дошло, что это всего лишь шутка и повод для начала разговора. Вон оно что, значит, понравилась парню. Дунья смутилась, не зная, как реагировать на слова, потупила взгляд. Потом все же подняла голову и застенчиво посмотрела на Хасара, который с нетерпением ждал ее ответа и поглаживал подбородок. Всем своим видом он говорил: «Ну, что ты на это скажешь?»

– Надо бы подумать...

– А вы хорошенько подумайте, я подожду. Если, конечно, я не опоздал. Не опоздал ведь?!

– Не то, что не опоздал... гмм...– девушка отвернулась в сторону, в ее ответе явственно прозвучала ирония. – Напротив, может, слишком рано пришли?!

Хасар по-своему расценил слова девушки, произнесенные с хмурым видом, решил: учитывая ее юный возраст, девушка дала ему понять, что он ей не пара. После этого ему больше не хотелось оставаться возле Дунья. Со смешанными чувствами распрощался с девушкой. Несколько дней он не мог смотреть в глаза Какова, опасаясь, что девушка могла пожаловаться дяде на бесцеремонность его товарища, ему было стыдно. Настроение было плохим, интерес к жизни пропал. Теперь по вечерам он рано ложился спать, зачастую даже не поужинав.

В воскресенье Каков сообщил, что идет с Джахан в кино, пригласил и Хасара: «Пойдем с нами, говорят, хороший фильм», но Хасару было не до кино. После ухода Какова взял один из конспектов и лег на кровать, чтобы просмотреть его. Настроения не было, да и читать совсем не хотелось. Он лежал, уставившись в

потолок, и размышлял о своем.

В дверь несколько раз постучали. Наверно, Каков забыл что-то и вернулся. Хасару было лень идти открывать дверь, он был недоволен тем, что его товарищ забыл ключ от двери и вот теперь стучит, беспокоит его.

– Входи, если без этого никак нельзя обойтись! – он с недовольным видом открыл дверь и обомлел. У входа стояла Дунья. Волнуясь, девушка произнесла обиженным тоном:

– Что же ты, показался раз и пропал!

Только теперь Хасар увидел перед собой расстроенную девушку, которая тоже мучилась всю эту неделю и не могла не прийти, что сюда ее пригнало бушующее в груди пламя.

После этого за все время учебы не было недели, чтобы они не виделись, не встречались. Каждый раз, отправляясь на каникулы в Ашхабад, они ждали друг друга и брали билет на один рейс. Прилетев в Ашхабад, Хасар провожал Дунью до дому, а потом спешил на вокзал, чтобы ехать в Красноводск.

Хасар нечаянно познакомился и с отцом Дуньи, о котором она так много рассказывала. С сумкой на плече зашел в булочную, купил там батон и на ходу жевал его. Подходя к общежитию, увидел Дунью, стоявшую рядом с мужчиной крепкого телосложения, на которого она была очень похожа. Они наблюдали за тем, как он идет, и Хасару вдруг стало неловко. Он чуть не подавился, закашлялся, отвернулся. Дунья тоже отвернулась, с трудом сдерживая смех. Непрожеванный кусок булки, проглоченный Хасаром при виде девушки с отцом, больно ободрал горло. Подойдя поближе, поздоровался, Дунья, стараясь не показать виду, представила Хасара так: «Парень, который живет в одной комнате с моим дядей».

– Здравствуй, молодой человек! – приветливо поздоровался с ним отец Дуньи. – Да, хорошая пора студенчество. – В разговоре он сообщил, что и сам когда-то учился в том же институте, где и Дунья, и с ностальгическими нотками в голосе вспомнил свое студенческое прошлое.

В тот же вечер отец Дуньи пригласил ее вместе с соседками по комнате, а также Какова и Хасара в ресторан гостиницы, в которой он остановился. Хасар не был уверен, что должен отозваться на приглашение отца Дуньи, ведь об их отношениях пока что знали только они двое... «Смогу ли я присутствовать там как обычный гость, не подать виду? Тем более, что Дунья не собирается извещать об этом родителей вплоть до того момента, как дело дойдет до свадьбы... Допустим, я отвечу на приглашение и пойду, не получится ли так, что я буду краснеть и бледнеть и тем самым поставлю Дунью в неловкое положение?» – вот какие сомнения одолевали Хасара.

Но Каков категорически не одобрил его попытку отказаться от приглашения отца девушки, не принял его отговорок. «Нет, вы только посмотрите на него! Значит, чью-то единственную дочь любить он может, а принять его приглашение ему стыдно. Ничего не знаю, собирайся и пошли, зятек, я тебя с будущим тестем поближе познакомлю!»

Повидавшись с любимой дочкой, отец Дуньи на завтра сел в «Красную стрелу» и поехал из Ленинграда обратно в Москву, где он находился в командировке. Вчера, когда они ужинали в ресторане, Дунья сообщила Хасару о своем намерении вместе с ним проводить отца. Дунья ничего не говорила отцу о Хасаре, но по тому, как они общались и с полуслова понимали друг друга, отец девушки догадался, что этот стройный и красивый юноша ухаживает за его дочерью. Когда он вернулся домой, жена первым делом спросила:

– Ну как там наша Дуньегозель, учится? Присматривает ли там за ней дядя?

На что отец девушки ответил:

– Ай, мать, похоже, за нашей дочерью помимо твоего брата есть кому присмотреть... – и рассказал жене о Хасаре.

Каждый раз, когда Дунья, как и сейчас, отсутствовала, Хасар по обыкновению предавался воспоминаниям о ней. Ему эти воспоминания были дороги и приятны...

Теплые чувства в душе Хасара пробуждали и воспоминания о белых ночах Ленинграда.

В тот раз Хасар и Дуня вышли с последнего сеанса нашумевшего кино. Время было уже позднее, но возлюбленным не хотелось расставаться. Город был залит светом белых ночей. И разве в такую ночь захочется спать, особенно если ты молод и горяч?! Воздух прозрачен и чист, без капли влаги, и погода теплая.

Теперь они были вместе при любом удобном случае. Но и этого им было мало, потому что им не хотелось расставаться даже ненадолго. Они вместе гуляли по городу, перекусывали, где придется, искали в книжных магазинах книги – каждый по своей специальности.

Выйдя из кинотеатра, Хасар и Дуня пошли берегом Невы. Держась за руки и, нежно глядя друг на друга, они переживали чувство своей сопричастности к этой белой ночи, были опьянены любовным дурманом.

Дуње было приятно ощущать тепло руки Хасара. Похоже, и Хасар чувствовал это. Ему не хотелось выпускать руку Дуњи из своей руки. Время было позднее, приближался тот час ночи, когда город оставлял свои самые потаенные уголки для припозднившихся влюбленных. Над Невой то тут, то там серели сгустки тумана. В эти минуты белая ночь напоминает медленно идущую невесту в просторном белом платье. Похоже, город с удовольствием запутался в полах этого широкого белого платья. Город, укутанный дымкой, казался таинственным, а прогуливающиеся пары напоминали старателей, ищущих эту тайну. Дуня вдруг посмотрела на часы и предложила Хасару: «Пойдем, посмотрим, как разводят мосты!» Их желания совпали. Живя в Ленинграде, им обоим не доводилось видеть, как разводят мосты. Хасар и Дуня поспешили к каналу и увидели, что не они одни пришли посмотреть на чудо разведения мостов. Здесь прогуливались еще несколько пар. Вытянув шеи, они стояли в ожидании, боясь пропустить главное действие. Часть моста, на которую падал свет прожектора, блестела в ночи как зеркало в лучах солнца. Другая часть большого прожектора освещала фасады домов на противоположном берегу реки, обратной стороной они были повернуты к ночи, отчего напоминали молчаливую толпу, вырвавшуюся из пут душной ночи.

Когда они подошли, крылья моста только-только начали подниматься, напоминая огромные льдины, на которых весной сначала появляются трещины, а потом они раскалываются на куски. Дуня и Хасар изумленно смотрели на крылья моста, которые, все более отдаляясь друг от друга, взмывали в небо.

– Почему они каждый день разводят мосты, разве нельзя, чтобы они стояли на месте, как обычные мосты?– через некоторое время шепотом спросила Дунья, прижавшись к Хасару.

Долго ждать ответа не пришлось. Вначале донесся глухой гул приближающегося со стороны канала судна. А вскоре из-за поворота появился громадный лайнер, как гора, возвышавшийся над водой.

– Это корабль белой ночи, – сказала Дунья, – до чего же он красив!

– Наверно, он вышел из Кронштадта. А эти разводные мосты построили специально для прохода вот таких больших судов, – пояснил Хасар.

Через некоторое время показался еще один корабль, а за ним цепочкой шли несколько судов. Суда шли друг за другом по реке между раскинувшимися на обе стороны, как крылья гигантской птицы, частями моста.

Белые ленинградские ночи имели обыкновение притягивать к себе молодежь. Влюбленные в такие ночи бродили до утра, обнимаясь и целуясь, не замечая, как летит время. Им совсем не хочется расставаться с такой красотой и куда-то уходить.

Шел шестой час утра, когда Хасар довел Дунью до двери общежития. Время скорого пробуждения ото сна. Вахтерша Нина Михайловна, крупная женщина, составив в холе общежития стулья, спала на них, возвышаясь горой, словно на троне.

– Ну, вот ты и пришла. – Хасару не хотелось расставаться с Дуньей, он не выпускал ее руку, желая еще хоть на немного продлить эту счастливую ночь. И девушка почувствовала это.

– Пойдем со мной, может, ты сегодня у нас заночуешь? Время уже позднее. Или раннее? Соседки по комнате сдали сессию и разъехались по домам. Так что в комнате я одна осталась!

Кивнув головой в сторону спящей Нины Михайловны, Хасар недоверчиво покачал головой.

– Да, нет, мне лучше уйти. Трамваи, наверно, уже ходят.

– Пошли! Сегодня дежурит Нина Михайловна, а она очень хороший человек, поймет нас, – и Дунья снова потянула Хасара за руку.

Их разговор разбудил спящую женщину.

– А, белыми ночами любовались? Налюбовались, значит!

– Да, – виновато ответила Дунья. Ей было неловко за столь поздний приход и доставленное беспокойство.

– Я тоже любила белые ночи. От прогулок в такие ночи получаешь особое наслаждение. Девушки просто расцветают.

Хасар согласился с женщиной, вспомнившей былое, и пусть ненадолго, но испытывшей приятное чувство. Стоя рядом с Дуньей, он мило улыбнулся ей и благодарно кивнул головой.

– Твой парень?– спросила старая женщина у Дуньи, взглядом одобряя выбор девушки.

– Да.

– Земляк?

– Да.

– Студент?

– Да, он на врача учится.

– Гмм...

Нина Михайловна по-женски поняла Дунья.

– Пусть он всегда будет рядом с тобой! – и она махнула рукой, давая понять, что разрешает им пройти дальше, после чего снова положила голову на подушку.

Радуюсь полученному разрешению, Дунья и Хасар быстренько прошли дальше. Поначалу у Хасара и в мыслях не было остаться с Дуньей на ночь. Думал, как обычно, проводит ее до общежития и пойдет дальше. Все получилось само собой, как будто кто-то заранее спланировал эту ситуацию и в нужную минуту пришел им на помощь.

Когда они вошли в комнату, Хасар обратил внимание на идеальный порядок в ней. Юноша понял, что сегодняшнее их свидание вовсе не было случайным, что Дунья все предусмотрела и тщательно подготовилась к встрече со своим любимым без свидетелей. Да он и сам уже давно мечтал о таком свидании, мысленно прокручивал его, хотя все сегодняшнее было похоже на сон. Хасар вспомнил, что в своих снах часто видел Дунья и, предаваясь ее женским ласкам, долго не мог проснуться.

На лице опьяненной любовью Дуньи были видны следы усталости, но и удовлетворения не сходили с ее лица, а если и сходили, то ненадолго, потом они снова занимали свое место, и тогда порозовевшее лицо девушки становилось похожим на цветок, причем, на красивый живой цветок. Так бывает всегда, когда женская душа ликует и отдается страстным желаниям.

Оставшись наедине в небольшой комнате студенческого общежития, они почувствовали себя на вершине блаженства, поверили, что сбылась их заветная мечта.

Первое, что бросилось в глаза при входе в комнату, три аккуратно застеленные кровати, у стены справа от входа стоял высокий платяной шкаф, на полке слева от входа разместился радиоприемник, по которому девушки слушали музыку, передачи, а за ним были аккуратно расставлены книги.

И хотя в комнате царили чистота и порядок, девушкам всегда казалось, что чего-то не хватает, однако с приходом Хасара Дунья никаких недостатков не увидела. Поскольку все было расставлено и разложено по местам, комната казалась просторной, в ней стоял легкий запах женской парфюмерии. Дунья сняла легкий плащ и тонкий головной платок и повесила их в шкаф. Переодеваясь в просторный домашний халат, она временами бросала на Хасара

взгляд, словно хотела ему что-то сказать. А ей хотелось сказать Хасару: «Может, поставить чай, и мы немного перекусим?» Но сейчас никому не хотелось ни чаю, ни еды. Город досматривал последние сны. Хасару и Дунье тоже очень хотелось спать. У них слипались глаза.

Когда Дунья сменила выходную одежду на домашний халат и подошла к Хасару, тот встал с места, взял девушку за руки, жадно посмотрел ей в глаза и притянул к себе.

Смущаясь, Дунья казалась особенно красивой. Страсти, кипевшие в душе девушки, придавали ее лицу особое очарование. Чем больше Хасар смотрел на нее, тем больше обаяние девушки притягивало его. С одной стороны девичья стеснительность, а другой – сила, противостоять которой Хасар был не в состоянии. Кровь ударила в голову влюбленного Хасара. Не помня себя, он схватил Дунью и поднял ее на руки, а потом крепко прижал к груди. Когда теплое дыхание Хасара ударило в лицо девушки, она прижалась к нему еще сильнее и страстно зашептала:

– Ой, парень, куда ты несешь меня?

– Куда надо...

– А куда надо?

– Туда мы с тобой вместе отправимся...

Произнося эти слова, Хасар дрожал всем телом, ему не хватало воздуха, и он задыхался. Очутившись в постели, Дунья и сама не поняла, что оказалась в оковах любви, что сейчас самым сильным чувством была страсть, и это чувство преобладало над всеми остальными. В тот момент, когда Хасар взял ее на руки, она испугалась, но теперь поняла, что все ее переживания были напрасны, что сейчас они оборачиваются радостью и удовольствием. Дунья осознала, что сегодня у нее начинается совершенно другая, более интересная жизнь. Девушка была уверена, что это счастье ей выпало на всю оставшуюся жизнь, с удовлетворением подумала, что оно будет принадлежать только ей одной. В ту ночь они стали единым целым, стали не только мыслить одинаково, но и разделили одну судьбу на двоих...

Проснувшись, Хасар не обнаружил Дуньи рядом с собой в постели, он увидел ее стоящей у окна. Придерживая одной рукой раздвинутую штору, она задумчиво смотрела на улицу. Хасар тихонько подошел к девушке, обнял ее сзади и поцеловал в шею. Дунья схватила лежащие на ее плечах руки и с нежностью прижала их к своей груди.

Потом они еще некоторое время стояли у окна в обнимку, испытывая обоюдное желание, и с благодарностью разглядывали раскинувшийся в объятьях белой ночи Ленинград...

Сваты появились в доме родителей Дуньи в тот момент, когда она приехала на каникулы после зимней сессии. На стук в калитку вышла Дунья. Открыв ее, увидела двух незнакомых мужчин и с ними женщину в большом головном платке. Догадавшись, что это за люди, на вопрос: «Здесь дом Айназара?» Дунья ничего не ответила, растерялась и побежала обратно в дом. На ходу сообщила матери: «Мама, на улице двое незнакомых мужчин и женщина спрашивают наш дом!», – а сама нырнула в свою комнату.

Это были родители и дядя Хасара, которые приехали специально для того, чтобы сосватать Дунью за своего сына.

Есть ли на свете родители, которые бы не беспокоились о своем ребенке и не задумывались о его будущем?! У своих родителей Дунья была единственным и горячо любимым ребенком. Поскольку их единственным дитем была дочь, родители мечтали о том, что Дунья заменит им сына. Они понимали, что их мечта сбудется только в том случае, если их дочери повстречается достойный парень, что только хороший зять может стать им настоящим сыном. Именно о таком зяте мечтали родители Дуньи.

Дунья была единственным выжившим ребенком из тех многих, которыми была беременна ее мать. Конечно, ее матери хотелось иметь много детей, воспитывать их вместе с мужем, как заботливая наседка держать их под своим крылом...

Родители Дуньи с первого раза разглядели в Хасаре именно того человека, который заменит им сына, поверили в него.

Тем же летом сыграли свадьбу Дуньи и Хасара.

Когда у Дуньи родился первенец Арслан, она была на последнем курсе института, А Хасар уже учился в аспирантуре.

... Когда объявили о посадке стамбульского самолета в Ашхабадском аэропорту, Хасар заметил, что вокруг него началось оживление, многие люди стали беспокойно смотреть по сторонам, пытаясь что-то увидеть. Хасар посмотрел в ту сторону, где сидела разглядывавшая его с непонятым любопытством женщина с девочкой, и увидел, как женщина снимает со спинки стула платок и, переговариваясь с девочкой, встает с места. Хасар понял, что они тоже встречают борт из Стамбула.

После этого Хасар присоединился к толпе встречающих, встал у стеклянной стены в том месте, откуда хорошо видно летное поле, и стал одним из ожидающих.

Стамбульский лайнер, напоминая только что вынырнувшую из воды акулу, медленно подкатился к объявленному по радио выходу и остановился. Хасар сразу же узнал Дунью, когда она, чуть наклонившись, появилась в тесноватом проеме самолета. На плече у нее висела сумка, с которой она практически никогда не расставалась. Сумка цеплялась за пояс, которым был туго подпоясан плащ. На этот раз, выйдя из самолета, Дунья не стала озиаться по сторонам в поисках Хасара, как она это делала обычно. Спустившись по трапу, она остановилась и стала смотреть вверх, как будто что-то забыла там, наверху в самолете, вид у нее был такой, словно она собиралась вернуться назад. Повернувшись лицом к невысокому человеку плотного телосложения, следовавшему за ней из самолета и смотревшему поверх голов идущих впереди, Дунья, согласно кивая головой, что-то говорила ему.

Хасар подумал, что этот человек – недавно разбогатевший хозяин фирмы, летавший вместе с Дуньей в Турцию для заключения контракта. Жена работала в этой фирме уже больше полугода, а он до сих пор толком не познакомился с ее начальником. Он только слышал, что этот человек был одноклассником Дуньи и что еще их объединяет какое-то дальнейшее родство. Пассажиры, гуськом сойдя с трапа, стояли рядом с самолетом в ожидании подачи автобуса, а в это время Дунья о чем-то беседовала со своим начальником в сторонке. Вернее, говорила Дунья, а ее начальник молча слушал ее и время от времени кивком головы одобрял ее слова. Похоже, они обсуждали какой-то производственный вопрос, Дунья говорила безостановочно и, кивая головой, как-то по-женски

подчеркивала сказанное ею.

Поначалу поведение Дунья показалось Хасару странно-возбужденным, и он даже подумал: «Неужели они за две недели не наговорились?», но потом, поразмыслив, он пришел к выводу, что она не может сдержать своих эмоций, радуясь благополучному возвращению домой и своей скорой встрече с любимыми внуками, которые ждали ее с нетерпением.

Наблюдая за женой со стороны, он заочно слушал ее отчет о поездке.

Время затянуло Дунью в пучину возраста и оставило там, но она мало изменилась. Конечно, она уже не была той юной и изнеженной невесткой, какой была и тридцать, и двадцать лет назад. Но замужество пошло ей на пользу, и если раньше она была худа и угловата, то с рождением детей набралась соков и расцвела, стала еще красивее.

Дунья была младше Хасара на пять лет. Когда пару лет назад Хасару исполнилось пятьдесят, вместе с его юбилеем она двойным праздником отметила и свое сорокапятилетие.

Хасар радовался и гордился тем, что живет с такой любящей женщиной. Иногда, когда Дунья наряжалась, зная, что это ей нравится, Хасар непременно делал ей комплименты: «Наша кайтарма красотой своей любую молодую невестку затмит!» А одеваться Дунья умела! Она всегда подбирала себе наряды, которые украшали ее, делали женственнее. И хотя с годами тело ее немного пообвисло, волосы, как и у ее матери, по-прежнему оставались черными, как смоль. За те тридцать лет, что она прожила с Хасаром, Дунья не перетрудилась, потому что все эти годы за ее спиной был военврач, с которым она моталась по гарнизонам и жила в разных городах страны и зарубежья – Ленинграде, Коктебеле, Будапеште, Берлине. Будучи любимой женщиной, она родила мужу двоих детей – сына и дочь, и ее жизнь сложилась даже лучше, чем она мечтала. И хотя и сам Хасар, и Дунья не признавались себе в том, что вступили в осеннюю пору жизни и старость не за горами, они уже женили сына и выдали дочь замуж. Они уже имели внуков, для которых были любящими бабушкой и дедушкой.

Они оба думали, что теперь так и будут жить до конца дней своих – в любви и согласии, любя своих детей и лелея внуков.

В восьмидесятые годы прошлого века у руля огромной страны оказались случайные люди – Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе,... чьи карты были мастерски разыграны иностранными разведками. Эти люди не видели дальше своего носа, а потому впоследствии обрекли свой народ на многие несчастья. И именно тогда начал раскачиваться и терять свою силу огромный корабль под названием СССР. Политики страны уже были не в состоянии остановить крушение империи.

Хасар тогда же вернулся в страну из военного гарнизона, стоявшего в предместье Берлина – Карлсхосте. Через два месяца после возвращения его назначили начальником одного из военных санаториев в Крыму. Страна все больше запутывалась в сетях политических интриг, полки магазинов были пусты, народ нищенствовал и голодал. Налетевший на страну ураган готов был смести и разрушить все на своем пути...

Став суверенным государством, Туркменистан бросил клич: «Туркменские воины, где бы вы ни находились, вернитесь домой, и займите свое место в Вооруженных Силах страны». Хасар одним из первых откликнулся на призыв Родины и вернулся в страну вместе с женой и детьми. К тому времени его сын уже был летчиком. Уезжая из Крыма, он ни на мгновение не усомнился в том, что поступает правильно, что едет туда, где он нужнее и где его опыт будет востребован.

По возвращении домой поначалу Хасар столкнулся с определенными трудностями, в какой-то мере напугавшими его и заставившими вспоминать о лучших днях. Но он сумел убедить себя в том, что трудности эти временны, что, когда молодая страна наберет обороты, все изменится к лучшему, и стал жить в надежде на лучшее будущее...

Идя впереди нового начальника, Дунья отыскала взглядом стоявшего поодаль и встречавшего ее мужа, кивком головы поприветствовала его и мило улыбнулась. А тем временем Аннов, давая понять, что заметил их, помахал рукой жене и дочери, стоявшим в нескольких шагах в стороне от Хасара и взволнованно и радостно встречавшим его. Только теперь Хасар узнал женщину, бросавшую на него загадочные взгляды там, в кафе. Теперь ему было ясно, отчего эта женщина показалась ему знакомой. Сейчас он вспомнил, что с женой Аннова, не будучи близко знакомым, он когда-то встречался то ли на свадьбах, то ли еще на каких мероприятиях.

Хасар встретил Дунью у самого входа в аэровокзал. Как обычно, она с удовольствием нырнула в объятия мужа, а затем приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Здравствуй, родной. Как дела?

– Спасибо, хорошо.

– А как там мои котятки поживают?

– Ждут, не дождутся свою бабушку – лягушку-путешественницу.

В последних словах мужа Дунья уловила едва заметный упрек. Как женщина она понимала, что таким образом он выражал свое мужское нетерпение, давал понять, как он соскучился по ласкам жены. Радостно улыбнулась, положила голову ему на грудь и потерлась об нее, как бы говоря: «Ну, вот, я же приехала!». Поведение Дуньи напомнило Хасару ту незабываемую встречу в Берлинском аэропорту.

Встретившись со своей семьей и обменявшись с ними нежностями, Аннов вместе со всеми подошел к Дунье. Поздоровался с Хасаром, а его жена, переговариваясь с Дуньей, лишь слегка кивнула ему головой.

Пока Дунья разговаривала с женой и дочерью Аннова, делаясь с ними впечатлениями от поездки в Стамбул, Хасар с Анновом в ожидании багажа вышли на улицу для перекура. Аннов считал очередную поездку удачной, поэтому в разговоре с Хасаром позволил себе самодовольно-высокомерный тон. Получив багаж, Аннов первым, кивком головы попрощавшись с Дуньей и Хасаром, уселся вместе с семьей в подъехавший джип. Жена Аннова, как и он сам, на прощание слегка кивнула головой Хасару. А сам Аннов после того, как его водитель, поставив машину рядом с Хасаром, разместил вещи в багажнике, поспешно сел на переднее сиденье.

Да и Хасар, получивший то, что ему было нужно, вывел на мокрые улицы Ашхабада свой старенький «Мерседес» и, кружа по ним, поспешил вместе с Дуньей домой.

* * *

Ключ в дверном замке сделал два оборота. Значит, кто-то пришел. Кто бы это мог быть? Скорее всего, это либо Дунья, либо их сын Арслан, живущий у бабушки. Но он редко приходит к родителям один. Чаще всего он приводит с собой двух сыновей-погодков, которые не отстают от него, прослышав, что отец собирается навестить родителей: "Мы тоже хотим к бабушке с дедушкой!" Но нет, это явно не они, потому что они бы уже огласили дом своим шумом. Не успев войти в дом, они извещают о своем прибытии: «Бабушка, мы пришли! Дедушка, это мы!» – и наперегонки бегут навстречу деду с бабкой, чтобы первыми оказаться в их объятьях.

Когда дверь открыли ключом, Хасар вспомнил, что, войдя в квартиру, запер дверь изнутри.

Эту квартиру выделили Хасару в ту пору, когда он вернулся в Ашхабад и стал работать врачом в военном госпитале. Некоторое время после приезда они жили у родителей Дуньи, но после получения своего жилья переехали сюда и стали жить отдельно.

Даже еще не видя ее, Хасар догадался, что пришла Дунья. Представил, как она снимает с себя верхнюю одежду и развешивает ее в прихожей, как переобувается в мягкие домашние тапочки. Но еще до ее появления раздался такой родной голос жены:

– Ой, как вкусно у нас пахнет!

– Ах, ты моя козочка, прискакавшая прямо в логово дива!

Приготовив ужин и заканчивая нарезку любимого салата жены, Хасар, давая Дунье понять, как он соскучился по ней, что готов воспользоваться отсутствием посторонних в доме и оказаться в ее объятьях, встретил ее с теплотой и нежностью, не скрывая своих желаний.

– Уважаемый див, я голодна, как волк! Если ты вознамерился растерзать меня, вначале накорми, а потом делай со мной, что хочешь! – в тон мужу ответила Дунья.

– А то я не знаю, что если я накормлю тебя, а потом съем, ты будешь еще вкуснее!– ответил Хасар.

Дунья понимающе подошла к мужу и положила голову ему на грудь. Таким способом она давала понять, что ей стыдно, и она просит у мужа прощения за то, что предпочла ему ужин.

Как и все туркменские женщины, Дунья считала своим долгом готовить еду, месить тесто, стирать пеленки. Прожив много лет за границей, где жизнь была организована совершенно по-другому, переняв у них и внедрив в свой быт многое, в этом вопросе Дунья по-прежнему оставалась туркменской женщиной. Она всегда получала огромное удовольствие от приготовления пищи, любила кормить мужа и детей. Женщина придерживалась традиций предков и жила по раз и навсегда установленным ими правилам, разделяющим мужские и женские обязанности, при этом она ничуть не сомневалась, что так и должно быть, а значит, будет до конца ее дней.

Всецело подчинив свою жизнь мужу, переезжавшему с одного военного гарнизона в другой, Дунья привыкла обслуживать его и детей. У нее вошло в привычку утром наряжать и провожать мужа на работу, а детей в школу, и с этой же минуты начинать ждать их возвращения домой. Вот и сейчас Дунья была готова принять у мужа кухонную эстафету.

– Ну вот, я пришла, – и она протянула к нему руки, давая понять, что теперь сама займется ужином. Не обращая внимания на возражения Хасара, сообщившего, что ужин уже почти готов, она сняла с него фартук и надела на себя.

– Ты теперь мой руки и иди к столу. Включи телевизор, сегодня будет очередная серия «Рабыни Изауры»...

Дунья не заставила долго себя ждать. Вместе с шипящей сковородой она внесла в комнату и дразнящие запахи вкусной еды. Поставила на стол салат и чал – напиток из верблюжьего молока. Для аппетита наполнила пиалу холодным шипящим чалом и выпила залпом, и лишь после этого приступила к еде. Некоторое время, пока они ели, в комнате стояла тишина. Наевшись от души, Хасар отер рот салфеткой, а потом запил ужин подряд двумя пиалами холодного чала.

Дунья собрала со стола посуду и отнесла ее на кухню, расставляя по местам, спросила о своей матери о внуках:

– Ты в тот дом не заезжал? – она подумала о младшем внуке.

– Нет.

– И я не могла связаться с ними. Как там наш младший котенок, у него ведь стоматит, может ли он что-то есть?

– Я вчера навещал их. Смазал ему ротик, болячки уже начали подсыхать.

– Замучился бедняжка...

– Завтра выходной. Мы же всегда бываем у них по выходным.

Он сказал это, разделяя растущую тревогу Дуньи о внуке. Хотя Хасар и Дунья жили отдельно от своих детей и внуков, постоянно навещали их и любое свободное время посвящали встречам с ними. Любовь внуков, которым они нарадоваться не могли, гордились ими, как магнитом, тянула к дому, который и без того был им дорог и близок. По возможности они каждую субботу ночевали в том доме. А если поехать не удавалось, они созванивались с родительским домом.

Вымыв посуду и расставив ее по местам, Дунья села рядом с Хасаром на диван, где он лежа смотрел сериал.

– Много прошло?

– Да нет, недавно начался.

Обычно при просмотре интересного фильма зрители прослеживают судьбу его героев, и на какое-то время эта судьба становится их собственной. Дунья почувствовала себя Изаурой, а Хасару было приятно думать, что он – тот самый юноша, которого она любит.

Когда раздался телефонный звонок, они оба, забыв обо всем на свете, находились рядом с героями фильма.

Решив, что это звонит мать или кто-то из внуков, Дунья легко вскочила с места и с радостью подняла телефонную трубку. Но оттуда донесся знакомый хрипловатый голос.

– Знаешь что, Дунья!

– Что?– на лице женщины отразилось недовольство так некстати раздавшимся телефонным звонком. Зная характер Аннова, и опасаясь, что он может повести себя по-хозяйски, как, бывало, делал на работе и сказать что-то грубое, боясь, что эти слова может услышать находящийся рядом Хасар, женщина прошла в соседнюю комнату, волоча за собой длинный телефонный шнур.

Дунья долго не возвращалась, и Хасар забеспокоился: «Да что она там застряла, о чем можно так долго разговаривать, будто нельзя отложить этот разговор на завтра и обсудить все на работе?»

Убавив звук телевизора, он обернулся и сквозь оставленную в двери щель увидел, что жена с трубкой возле уха все еще расхаживает по комнате и продолжает говорить. До него донеслись обрывки разговора.

Дунья говорила возбужденно, но в то же время в ее голосе проскальзывали едва заметные нежные нотки, отчего Хасар сделал вывод, что она разговаривает с сыном. Она и раньше позволяла себе разговаривать с сыном именно так: то резко, то ласково.

Когда Дунья вернулась обратно со словами «Если я хоть в чем-то разбираюсь, у него с головой не все в порядке!», Хасар уже приготовился ко сну. В руках он держал книгу, которую читал каждый вечер перед сном.

– Кто это был?– спросил Хасар, сидя на постели и опираясь спиной на две подушки.

– Кто же еще может быть, мой начальник!

– А что ему надо в такой час?

– Пару месяцев назад он встретился с одним богатым бизнесменом из Лебапа. Размах работ у того поражает своими масштабами. Этот человек владеет крупным месторождением драгоценных камней в Кугитанге. Причем, он приобрел его в последние пять-шесть лет. Первую продукцию он удачно разместил в Узбекистане, России. Сумел получить хорошую прибыль и сильно разбогатеть. Теперь он из своего лебапского дома на рабочее место добирается на своем личном самолете.

– Кажется, я тоже слышал о чем-то таком... – стал припоминать и Хасар.

– Думаю, слышал. Его зовут Хемра Календаров. Недавно он женился на 17-летней девушке из Ашхабада, родственнице одних моих знакомых.

– А до того он не был женат? Сколько ему лет?

– Под пятьдесят. Посмотришь на него, так ему жена не очень-то и нужна была. Его больше интересует влиятельный дядя девушки, который работает в Кабинете Министров. Вроде бы этого чиновника, когда он осиротел, с детства воспитывали родители этой девушки, они же и выучили его, дали образование.

Этот человек и моему начальнику посоветовал приобрести в Кугитанге рудник и обещал ему поддержку.

– Урановый рудник? – Хасар ушам своим не верил. Он считал, что урановый рудник не может быть объектом приватизации, да и не всякому толстосуму он может быть по карману.

– Да кто же позволит продать его вам? Это же государственная собственность, тут большой политикой пахнет. – Выразив свое удивление, Хасар захлопнул книгу и внимательно посмотрел на Дунью.

– Но ведь продали же кому-то месторождение драгоценных камней, сейчас, если найти нужные подходы, все можно купить. Думаешь, руководители, продавшие Родину, все остальное не выставят на торги? Вижу я, мой дорогой муженек, мысленно ты все еще живешь в прежнем СССР.

Переодевшись в просторную ночную рубашу, Дунья легла рядом с мужем и стала, ласкаясь и нежась, жаться к нему. Хасар не сразу нашелся, что ответить на ее слова, превратившиеся в вопрос. Да ему и нечего было сказать, потому что все, о чем полушутя говорила Дунья, было реалиями текущего дня, правдой сегодняшней жизни.

Задумавшись, Хасар некоторое время вспоминал обстановку в стране, сложившуюся после распада СССР. Он думал о разграблении имущества бывшего СССР, с каждым днем набравшем все большие обороты. С первых же дней жизни нового общества стало ясно, что никто и не собирается придерживаться каких-то правил при передаче госсобственности в частные руки. Все, что раньше считалось народным добром, теперь с легкостью переходило в руки наиболее шустрых и предприимчивых людей, мастерски использовавших в свою пользу сложившуюся ситуацию и подчинивших себе тогдашнюю политику, они с жадностью отрывали себе лакомые куски от большого пирога. В эти дни и туркменские нувориши, пытаясь походить на русских богачей, словно стая голодных волков набрасывались на добычу и рвали ее на части, как рвут на части павшего джейрана. Думая обо всем этом, Хасар понял, что его вопрос «Кто же вам позволит приватизировать урановый рудник?» в данном случае становится риторическим, да и просто лишним. После этого он уже не пытался о чем-то спрашивать Дунью, и не потому, что у него не было желания спорить с женой, не оттого, что все происходящее может либо не может быть выгодным народу или лично ему. Все, что творилось вокруг, так или иначе, имело связь с произошедшими в жизни людей неожиданными крутыми переменами.

Увлечшись разговором, Дунья даже забыла вынуть из головы шпильки, которыми закрепляла прическу, и распустить волосы. Вспомнив об этом, села на постели, спустила с кровати босые ноги и одну за другой вынула из головы шпильки.

Вскоре она снова легла в постель, обняла мужа и положила голову ему на грудь. Шепнула на ухо Хасару, чтобы он протянул к ночнику руку и выключил свет. Казалось бы, только что муж и жена чуть не рассорились из-за состоявшегося разговора, но как только свет ночника погас, под покровом ночи они снова нашли взаимопонимание и стали единым целым. Вскоре ровное дыхание супругов сообщило, что они уже находятся во власти бога сна Морфея.

* * *

Вскоре после приезда из Стамбула в один из выходных дней вся семья снова собралась в отчем доме Дуньи, чтобы отметить день рождения внука Сердара. И хотя хозяин дома Айназар ага семь-восемь лет назад ушел из жизни, его желание жить в окружении внуков и правнуков для членов семьи оставалось неизменным, и было законом. Все семейные торжества они отмечали вместе, и именно в этом родительском доме. Вот и сейчас мать Дуньи, оглядывая собравшуюся за праздничным столом родню, радуясь ей и гордясь, не могла удержаться, чтобы не взгрустнуть о муже: «Как жаль, что ты не дожил до этих счастливых дней. Как бы ты радовался, видя эти счастливые лица!..»

Как и договаривались по телефону, Хасар после работы заехал к сватам, забрал их вместе с дочерью и внуком и привез к теще. Его жены еще не было. Буквально перед появлением Хасара она сообщила по телефону, что немного задержится. Сейчас все ждали ее, особенно нетерпеливы были внуки. «Ну что же бабушка не идет?» – то и дело спрашивали они, давая понять, как сильно ждут ее.

Семейное торжество уже было в разгаре, когда к дому подъехал черный «Мерседес» и из него вышла Дунья. Обернувшись, что-то сказала водителю, а затем стала по одному брать на руки подбежавших внуков, целовать и ласково гладить их по головам. Вместе с внуками они шумной толпой ввалились в дом. Дунья внимательно всмотрелась в собравшихся, мысленно пересчитала их и лишь затем ответила на приветствие невестки, которая по случаю дня рождения сына повязала на голову новый тонкий цветастый платок, концом которого в знак уважения к свекру и свекрови закрыла рот, то есть надела на себя яшмак. Затем подошла к матери и обняла ее.

– Как дела, мама?

– Куда ты пропала, доченька?

– Ну это же работа, мама. А на работе всякие непредвиденные дела могут появиться. Теперь нет такой работы, как в советские времена, на которую можно приходить, когда захочешь, и уходить с нее в любое время.

– Ладно, ладно, не трогай ты Советы! Кто-кто, а мы от них ничего плохого не видели. С чем ты сравнишь то, что при Советской власти все люди могли на равных учиться и работать, вовремя получать зарплату? А что касается твоих

новых туркмен, мы еще посмотрим, что они такое могут дать народу, что было бы лучше, чем у Советов!

– Бабушке не нравится, когда ты ругаешь советскую власть, – примирительно улыбаясь, произнес Арслан. Сидя рядом с отцом за просторным дастарханом, он кивком головы поздоровался с матерью. Потом повернулся к младшему сыну, который все еще держался за полу бабушкиного платья и не отпускал ее:

– Сердар, сядь на свое место! Пусть бабушка переоденется и вымоет руки! Ты иди, сядь рядом с Мурадом, там будешь задувать свечи, а бабушка потом придет и сядет рядом с тобой!

После этого Дунья, поняв, что все ее заждались, быстренько прошла в свою комнату, переоделась, вернулась к столу и заняла свое место рядом с Сердаром.

Ребенок радовался и был весел, мама нарядила его по случаю сегодняшнего праздника. Мальчик был обаятелен и хорош собой, он притягивал к себе и вызывал нежные чувства. Сейчас все внимание было приковано к имениннику.

Больше всего ребенок радовался не подаркам и даже не понравившейся ему длинноухой мягкой собачке, подаренной дедом. Мальчик был счастлив и радовался тому, что его окружают близкие и любящие его люди, люди, которых и он любил всем сердцем и хотел бы видеть их возле себя постоянно.

За сачаком Дунья сидела на «женской» стороне с матерью, невесткой и дочерью, с ее лица не сходила улыбка, когда она рассказывала им о своей поездке в Стамбул, об окружающих этот город морях, придающих ему особое очарование. Восхищенно рассказывала о том, как много в этом городе богатых людей, что они с Анновом гостили в доме одного такого богача, а дом у него настоящий дворец. Из слов ее можно было понять, что она тоже мечтает жить в такой вот сказочной обстановке.

Казалось, она может говорить о Стамбуле до бесконечности, так много у нее накопилось впечатлений.

Сидевший по другую сторону сачака Арслан, не прислушиваясь к рассказу матери, о чем-то беседовал с отцом. Через некоторое время они вышли для перекура на веранду. За столом, раскурив сигареты, они краем глаза наблюдали

за тем, что происходит в комнате, и переговаривались между собой. Арслан вдруг спросил:

– Отец, а мама советовалась с вами, прежде чем устроиться на работу?

– Пришла как-то и говорит: я нашла работу, пойду работать. А еще говорит: там неплохая зарплата, а мы с тобой скоро совсем обанкротимся. А что я мог ей сказать? Иди, говорю, если тебе так хочется, поработай. Сам знаешь, на зарплату врача не очень-то разгуляешься.

– Да не умерли бы мы с голоду! Похоже, мама с головой ушла в эту новую жизнь!

– Вообще-то, она о вас заботится.

– Это верно, отец. Но мы народ, только-только вступивший в рынок, и у этого рынка свои законы и правила, с любого места в него не очень-то воткнешься...

– Твоя мать, похоже, каким-то образом нашла место, с которого можно сунуть свой нос в новую жизнь.

– Но богатство должно не только выигрывать любить, но и уметь проигрывать. Мне кажется, что мама, поддавшись мелким соблазнам, потом может что-то большее потерять. Уж слишком много у бизнеса кривых дорожек...

– Да ладно, будем здоровы, посмотрим, что из всего этого выйдет, – Хасар сделал последнюю затяжку и загасил сигарету, потом устало потер руками лицо.

Помолчав немного, процитировал Махтумкули, давая понять: чему бывать, того не миновать:

«Не печалься, что тебе чего не достаётся?

Когда-нибудь получишь то, что предназначено судьбой».

Отец и сын еще какое-то время посидели молча, занятые каждый своими мыслями.

После распада СССР и обретения независимости Туркменистан начал формировать свою национальную армию. Арслан сразу же откликнулся на призыв Родины служить ей и стал одним из первых летчиков, вернувшихся домой из дальних краев. В ту пору летчиков – выходцев из туркменской нации в Военно-Воздушных Силах СССР можно было сосчитать по пальцам одной руки. Туркменскому государству позарез были нужны собственные зоркие соколы, которые охраняли бы его небо. И потому страна бросила клич: «Сын, вернись на Родину и займи свое достойное место здесь!» Арслан услышал этот призыв и вернулся домой из Калининграда, где служил военным летчиком в рядах ВВС СССР. Через пару лет после возвращения сына в Ашхабад, чтобы продолжить службу в составе национальной армии, вернулся и его отец. Вот так вся семья снова собралась в Ашхабаде.

На прошлогодних военно-тактических учениях Арслан на своем боевом истребителе выступил так виртуозно, такие чудеса, такое высокое мастерство показал, что был замечен Лидером страны. В награду он досрочно получил очередное воинское звание. А на недавнем празднике независимости в небо первой поднялась эскадрилья лучшего военного летчика Арслана Мамедханова и стала национальной гордостью народа. Как и родители других летчиков, вот уже много времени Хасар и Дунья при виде самолета в небе верили, что за штурвалом сидит их сын. "Наш Арслан оседлал своего крылатого коня!" – глядя в небо и наблюдая за полетом, с гордостью произносили они.

Когда отец и сын вернулись в дом, их взору предстала следующая картина: новорожденный Сердар, держа в руках подарок деда – длинноухую собачку, пересаживался с колен одной бабушки на колени другой, потом шел на руки к матери, вызывая всеобщую радость и веселье. Ребенок радовался, что в такой день он находится в окружении тех, кого любил больше всего на свете.

Дунья знала, что сыну не нравится ее работа. Собственно, он и не скрывал этого от матери: «Мама, неужели ты думаешь, что без твоей работы Мамедхановы с голоду умрут?»

Считая, что он нашел свое место в жизни и достоин его, Арслан желал, чтобы и его близкие, не обращая внимания на нынешние трудности переходного периода, жили с верой в то, что завтра все встанет на свои места, и страна будет подлинным покровителем народа. Считал, что, пока в семье есть такие работники как он и его отец, матери работать совсем необязательно.

Дунья уже полностью взяла в свои руки бразды правления праздником, она по одному давала слово всем собравшимся за сачаком – и взрослым, и детям, улыбкой подбадривала выступающих, хвалила за хорошие тосты, выслушивала мнение окружающих, впитывала в себя их добрую ауру, словом, чувствовала себя по-настоящему хлебосольной и гостеприимной хозяйкой.

Когда муж и сын вошли в комнату, женская интуиция подсказала ей, что они не просто покурить вышли, что они говорили о ней. Дунья бросила на них испытующий взгляд.

... В тот раз, встретившись почти через тридцать лет, Дунья и Аннов практически забыли о существовании друг друга. Река жизни вынесла каждого из одноклассников к своему берегу. Вряд ли им приходило в голову, что когда-нибудь может состояться такая вот неожиданная встреча.

А может, они бы и по сей день не встретились, если бы не случай. В тот раз Дунья отправилась на рынок за покупками и случайно встретила одну из своих школьных подруг.

Дунья не сразу узнала пухленькую женщину с сумочкой на плече, разодетую в шелка. Она ходила по торговым рядам и скупала все, не считаясь с ценами. За ней по пятам шел носильщик, таскавший ее полные сумки. Это была одноклассница Дуньи, с которой она некоторое время поддерживала отношения и после окончания школы. Живя в Германии и приезжая с детьми в Ашхабад на время служебного отпуска мужа-военнослужащего, она непременно встречалась со школьными подругами, приглашала их к себе в гости и обязательно одаривала какими-то заграничными сувенирами. Не забывая и об их мужьях и детях. Одноклассницы тогда не скрывали своей зависти к Дунье, которая так удачно вышла замуж и устроилась в жизни.

Подруги встретились, постояли немного, вспоминая прошлое. Именно от нее Дунья узнала, что Аннов стал солидным и уважаемым человеком. Поначалу Дунья не очень-то поверила словам подруги. Через два-три дня после той встречи Аннов, прослышав о том, что Дунья в городе и сильно обрадовавшись этому, через подругу пригласил Дунью к себе в офис, сославшись на то, что ему в офисе нужен переводчик, и Дунья, зная несколько иностранных языков, именно тот человек, который ему нужен.

Честно говоря, Дуня чувствовала себя ущемленной, оттого, что ее муж Хасар не умеет, как окружающие его люди, зарабатывать деньги, что его врачебного заработка едва хватает, чтобы сводить концы с концами, а она привыкла жить на широкую ногу. И поэтому приглашение Аннова пришлось кстати. Она и прежде, видя, что благосостояние семьи оставляет желать лучшего, не раз заводила разговор о работе и даже подыскивала себе что-нибудь подходящее. Но то, что работу ей предложил не кто-нибудь, а именно Аннов, этот напыщенный гусь, уязвило Дуню. Она понимала, что, придя туда на работу, она вынуждена будет поступиться какими-то своими принципами, чего ей не хотелось бы делать ни при каких условиях.

Еще в школе Аннов вызывал у Дуни стойкую неприязнь. Он и теперь был для нее все тем же двоечником Анновым, который прятался за спину впереди сидящего ученика, лишь бы учитель не заметил его и не вызвал к доске. Однажды те дни Аннов как-то радостно рассказал ей: «Вчера рано утром мы с папой поехали к поезду встречать торговцев овцами, которые везут их в Ашхабад из Балкана и Пенди. Мы заморочили им головы и по дешевке скупили весь скот, а потом перепродали его за большую цену и хорошенько «наварились» на этом». Аннов был не просто одноклассником Дуни, но и дальним родственником, их матери были троюродными сестрами. Когда Дуня с матерью ездила на свадьбы, видела, как ее мать по-родственному тепло общается с матерью Аннова. Ее тетка тогда оценивающе оглядывала Дуню и с улыбкой, явно на что-то намекая, произносила: «Вон в какую красавицу выросла Дуня. Оказывается, она с моим сыночком Анновым в одном классе учится!»

Несмотря на это, Дуня старалась быть от него подальше, будто боялась, что к ней прицепится что-то плохое.

В юности в Аннове ярко проявились посреднические способности, но, помимо этого, он еще отличался толстокожестью и даже какой-то наглостью. То, что другие из стеснения не решались сказать, он запросто, кося под идиота, выпаливал в лицо человеку.

Однажды, подловив Дуню в укромном уголке, передал ей слова своей матери, не приврав ни слова: «Дуня, мама сказала, что мы с тобой родственники, чтобы я не обижал тебя, иначе, когда ты вырастешь, и к вам от нас придут сваты, твои родители прогонят их». Этим высказыванием он еще больше оттолкнул девушку от себя.

Не поверив словам Аннова, она как-то спросила у отца: «Скажи мне, папа, в каком родстве с матерью Аннова состоит моя мама?», на что отец ответил ей: «Со стороны отца Аннова никаких родственных связей у нас нет. Мы хорошо знаем его отца Хасанали. Он еще мальчишкой вместе с матерью попал в наш аул, в ту пору, когда наши предки занимались разбоем и брали людей в рабство. Да, мы немного наслышаны о том, что у него была стройная и красивая мать с очень большими глазами. Хапбы ишан взял ее себе третьей женой. После смерти ишана она вышла замуж за нашего односельчанина Аширчана. В ту пору у нее на руках был еще и сын от предыдущего брака. А речь ее так до конца жизни и не изменилась, она говорила на каком-то странном наречии. А родственность Аннова заключается в том, что его и твоя мать являются детьми двух двоюродных братьев». Он очень деликатно рассказал эту историю дочери, время от времени бросая взгляды на жену, и Дунья поняла, что Аннов не числится среди ее близких родственников, и почему-то очень обрадовалась этому.

В школе Дунья носила одежду европейского кроя и заметно выделялась среди своих сверстниц. К тому же была одной из лучших учениц класса. Внешне красивая, она была у всех на виду, и на нее заглядывались многие парни. Галина Максимовна, учительница английского, постоянно ставила ей пятерки и нахваливала девушку за ее способности к языкам, так что после окончания школы вопрос о дальнейшем выборе профессии решился сам по себе. В последних классах школы Дунья, как и ее одноклассницы, расцвела и превратилась в настоящую девушку. Это была пора, когда девушки, еще сами того не осознавая, старались быть красивее, чтобы нравиться ребятам. Аннов к тому времени превратился в невысокого юношу с темным пушком над верхней губой. Он был похож на отца – широкоплеч, с короткой шеей, отчего голова его казалась приставленной прямо к телу. Именно в те дни к нему прилипла малопривлекательная кличка «эшек яссык» – «ослиная подушка».

Прежде чем приударить за Дуньей, Аннов успел написать письма двум девушкам и получить от них «от ворот поворот». Пару раз он даже тайком встретился с одной из двух сестер-близняшек из параллельного класса, но все испортила ни о чем не догадывавшаяся вторая сестра Фатима, как две капли воды похожая на первую. Получив письмо вместо Эше, Фатима негодуя посмотрела на Аннова и, даже не прочитав его, на глазах парня разорвала на мелкие клочки. Эше, подумав, что Аннов отвернулся от нее, потому что влюбился в ее сестру, ни в чем не стала разбираться и со злости прогнала его.

В десятом классе Аннов, видя, что Дуня ни на одного из парней не смотрит и ни с кем не вступает в любовную переписку, подумал, что она ждет его, и решил снова попытать счастья. Встречая девушку, он смотрел на нее влюбленными глазами. Смазывал волосы жиром и укладывал их, до синевы выскабливал бороду и усы, следил за одеждой, словом, хотел нравиться. В толпе старался держаться поближе к ней. Однако все его старания были напрасны, потому что Дуня все равно не замечала его и писем от него не принимала. Хотя Аннов с помощью друзей даже зарифмовал свое письмо и вложил его в учебник в надежде, что Дуня прочтет его и откликнется. Девушка, обнаружив письмо, подумала про себя презрительно: «Неужели ты, ослиная подушка, надеешься, что я выберу тебя?», – но вслух этого не сказала, постаралась быть деликатной:

– Аннов, ты заberi свое письмо, у меня есть парень, с которым я встречаюсь.

Поверила, что навсегда избавилась от него. Но это было не так. Перед самым концом учебы мать Аннова пришла к ним свататься.

Тогда мать Дуни ответила ей: «Сестра, наша дочь еще слишком юна, чтобы думать о замужестве. К тому же отец намерен отправить ее на учебу. Так что поживем – увидим»– и хотела выпроводить нежданную гостью, но не тут-то было. Мать Аннова проявила невиданное упорство: «Если хочет учиться, мы не станем противиться. Пусть они поженятся, а потом вместе с Анновджаном идут учиться». Но в любом случае, даже если бы мать Дуни и согласилась, она знала, что отец девушки ни за что не согласится принять Аннова в дом зятем, поэтому решительно отказала родственнице. Тогда это была последняя попытка Аннова приблизиться к девушке. В тот же год Дуня улетела в Ленинград, чтобы продолжить учебу в институте, который окончил ее отец. Аннов после школы поступить в институт не смог, поэтому желание стать инженером сменил на специальность бухгалтера, пошел на бухгалтерские курсы. Вместе с матерью летал за границу, привозил оттуда товар и занялся нелегальной торговлей.

Начав работать в какой-то организации помощником бухгалтера, он заочно окончил институт. А после женитьбы на дочери капитана полиции его торговло-посреднические дела и вовсе пошли на лад. Каждый раз, когда Аннов возвращался из-за границы с тюками товара, в аэропорту его встречал тесть, поэтому таможня проверяла багаж у кого угодно, но только не у него. Жена Аннова была года на три младше него, но цену себе знала, и с помощью отца помогла мужу избежать «почетного» звания спекулянт, за которое в те годы безжалостно сажали в тюрьму. Благодаря тестю Аннов спокойно занимался

своими спекулянтскими делами.

Во время кадровых перестановок, произошедших после того, как Туркменистан стал суверенным государством, Аннов, волею судьбы оказавшийся на гребне волны, через своего земляка-министра получил должность заведующего крупной базой и стал зваться Анновом Хасановичем.

Он наладил работу таким образом, что находил полное взаимопонимание со своим начальником. А это значило поступать так, будто ты не причастен к разграблению неучтенного имущества, оставшегося от павшего СССР, на самом же деле прибрать его к рукам, дожидаться, когда это имущество начнет приносить дивиденды, делиться ими с начальством и таким образом богатеть самому. Уж что-что, а эту математику Аннов знал как свои пять пальцев, в этом ему не было равных. И потом, кто станет контролировать твои действия, когда обесцениваются не только деньги, но и вещи, когда в стране нет власти, царит хаос?

Зная заранее, когда произойдет повышение цен, Аннов по низким ценам скупал товар и складировал его в укромном месте, а когда цены на него поднимались, доставал из тайника и спокойно выставлял на продажу, но уже втридорога. Вот тебе и прибыль, вот тебе и богатство!

Говорят, что невиданной красоты красный кирпич для построенного в те дни в селе двухэтажного дома Аннов специально нанятым самолетом ввез из России. Когда у него спрашивали, так ли это, сам Аннов без тени смущения отвечал: «Такие вещи делаются проще простого. Достаточно продать им товар по сниженной цене, а на документах проставить более высокую цену, печать и подпись. И они тоже должным образом оценят тебя, все твое добро переведут в деньги, и они потекут к тебе рекой».

Когда сняли министра-односельчанина, а на его место поставили нового министра, Аннов понял, что с этим высокопоставленным чиновником он вряд ли сможет сотрудничать, как с предыдущим, и поспешил уйти с этого места. Сославшись на нездоровье и необходимость лечиться.

А в стране появлялось все больше возможностей для открытия частных фирм, для того, чтобы богатеть путем всевозможных махинаций. Аннов, чувствующий себя в торговых сделках как рыба в воде, сразу же почуял это и умело

воспользовался удобным случаем, благодаря чему очень скоро перешел в разряд «новых туркмен» – почувствовал себя принцем крови.

И когда на его горизонте вновь появилась Дунья, испытал чувство радости и счастья как человек, наконец-то отыскавший свою драгоценную потерю.

* * *

Нависшие над городом темные тучи напоминали брыкливого коня, взявшего кого-то на прицел и готового при первом же удобном случае изо всех сил лягнуть. Дунья наспех проглотила чашку чая, и как только за ней прибыла машина, спешно повесила сумку на плечо и ушла. До начала работы Хасара был еще целый час, поэтому он неспешно перебирал одежду, достал из шкафа свой военный мундир и начал спокойно одеваться.

«Кажется, дождь собирается», – подумал он, снял с вешалки плащ, сложил его вдвое и перекинул через руку.

Хотя весна подходила к концу и уже настали жаркие дни, тучи небесные время от времени неожиданно набегали на город и, заливая водой горячий порог наступающего лета, охлаждали его пыл.

Приехав на работу, Хасар не успел надеть халат, как раздался звонок внутренней связи, и начальник госпиталя коротко приказал: «Зайдите ко мне!» Капитан Чапханов возглавил военный госпиталь совсем недавно. Он не был военным, этот молодой человек, до того работал врачом-терапевтом в одной из ашхабадских клиник. Когда армии потребовались военные врачи, ему был присвоен чин старшего лейтенанта запаса. В медицинской среде его больше знали как внука именитого ученого, защитившего кандидатскую диссертацию по медицине в далекие годы становления Республики Туркменистан. По медицинской части дед его звезд с неба не хватал, но был человеком с огромным чувством юмора. Во время защиты диссертации он не мог ответить на многие вопросы, и тогда на помощь приходил его покровитель Кайгысыз Атабаев. Он говорил: «Туркменистану нужны ученые врачи!» Но это не всегда помогало. Видя, что дела плохи, Кайгысыз предложил:

– А ну, расскажи им какой-нибудь смешной анекдот, развесели их!

И поэтому те, кто работал вместе с ним, знали Чапхана как человека, рассказавшего при помощи Атабаева удачный анекдот и ставшего ученым.

В ту пору женитьба на женщинах иной национальности воспринималась как преданность власти, которой ты служишь, и была распространенным явлением в среде высшего руководства Туркменистана, считавшего себя прогрессивно мыслящими людьми. Вернувшись домой после защиты диссертации, Чапхан, желая идти в ногу со временем, прогнал свою туркменскую жену и сочетался браком с татаркой в коротких одеждах. Начальник госпиталя был его внуком от сына, рожденного татарской матерью татаркой. Пользуясь именем деда, он окончил мединститут и всячески демонстрировал свое превосходство над другими, верил, что в этой области ему многое дано, а значит, и на многое он имеет больше прав. И в том, что он совершенно незаслуженно занял этот высокий пост, опять же сказались связи и знакомства его деда.

Он встретил Хасара с начальнически высокомерным видом.

– Я пригласил вас по вопросу солдата Акмамедова. Почему уже запланированная операция была отменена? – в тоне начальника госпиталя была неприкрытая угроза: «Кто посмел отменить операцию, которую я сам запланировал?»

Хасар всегда знал, как трудно найти взаимопонимание с дилетантами, не совсем хорошо понимающими свои должностные обязанности, да и в своей специальности не блиставшими, знал, что работать с такими людьми еще труднее.

Хасар нахмурился, давая понять, что ему не нравится вызывающий тон начальника госпиталя, ответил сухо:

– Знаете что, господин начальник госпиталя. Хотя и редко, но такое случается, а все потому, что мы имеем дело с живыми людьми, а не манекенами, и обязаны семь раз отмерить, прежде чем один раз отрезать. Мы не совсем уверены в результатах анализов солдата. И потом, он сильно ослаб, и ему надо окрепнуть, иначе его организм не выдержит тяжелой операции.

– Если у вас нет уверенности, почему вы своевременно не взяли новые анализы? Или же теперь вашу работу начальник госпиталя должен делать?

– Да, нет, мы этим занимаемся.

– Надо было раньше заниматься. Вон уже родственники юноши, прослышав о предстоящей операции, приехали сюда, волнуются, как все пройдет.

Хасара задело, что начальник госпиталя не хочет ничего понимать и настаивает на своем. Тем не менее, он старался держать себя в руках и не поддаваться провокации, а потому заговорил спокойным тоном и попытался все объяснить:

– Прооперировать больного несложно, господин начальник госпиталя, труднее другое – оперировать, не зная точного диагноза. Как потом ответ держать будем? За пару дней ничего не изменится, а тем временем и больной окрепнет, и все анализы будут готовы.

– Вы что, хотите сказать, что этот больной не нашего профиля?

– Полученные анализы склоняют нас к тому, что у парня туберкулез... Конечно, мы тоже можем сделать операцию на легких, но по этой болезни существует специальный научно-исследовательский институт, поэтому было бы лучше, чтобы эту операцию провели узкие специалисты высочайшего класса, как, например, профессор Чары Назарович.

Начальнику госпиталя слова Хасара не понравились, поэтому он произнес недовольным тоном:

– Господин полковник, то, что говорите вы, совершенно не похоже на слова бывшего начальника госпиталя. Неужели мы не в состоянии справиться с лечением своего больного и должны просить других, чтобы они прооперировали его?

– Но разве в медицине такие случаи редкость?

Хасар вопросом ответил на вопрос начальника госпиталя.

– Пока я начальник госпиталя, такого больше не будет. Если вы сомневаетесь и боитесь чего-то, операцию сделает кто-то другой. Просто вам надо было сказать об этом сразу. Мы бы доверили операцию кому-нибудь другому... Я вас

понимаю... возраст уже не тот, силы не те, уверенности нет, конечно, вам это должно быть трудно. Но у нас есть молодые хирурги, способные справиться с этой работой. Они и сделают операцию.

– Но в этом вопросе вы обязаны будете учесть и мое как заведующего отделением мнение! – выпалил Хасар, который был уже не в силах сдерживать себя. С каждым произнесенным словом по лицу его растекалась желтизна, он пристально смотрел на начальника госпиталя, и взгляд его был красноречивее слов.

– Посмотрим, – высокомерно ответил начальник, давая понять, что никто не собирается спрашивать у тебя.

Мысленно Хасар сравнил этого хамоватого молодого человека с прежним начальником госпиталя полковником Розыевым. Когда он вернулся в страну, именно полковник Розыев пригласил его к себе для совместной работы.

Хасар и полковник Розыев были людьми одной судьбы, тот, как и Хасар, во времена Союза работал военным врачом в разных воинских частях страны и был уверенным в себе человеком, хорошо знающим как свою работу, так и цену себе. Тогдашнее руководство страны, прослышав о таком нужном для них специалисте, лет шесть-семь назад, когда СССР только еще начал трещать по швам, специально отозвало его с места службы и вернуло домой. За короткий срок он создал туркменскую национальную военную медицину, способную оказывать народу медицинские услуги самого высокого качества. Но где-то с полгода назад его место потребовалось близкому родственнику высокопоставленного чиновника, и он под надуманным предлогом был уволен с работы. Когда же попытались лишить его и воинского звания, он сумел резко ответить: «Не вы присваивали мне это звание, не вам его и отнимать!» Затем, присоединившись к русским военным, еще не успевшим покинуть территорию Туркменистана, снова вернулся в Россию, где он был востребован.

Поначалу Хасар никак не мог понять, отчего начальник госпиталя так цепляется к нему, но потом, порывшись в памяти, вспомнил, как совсем недавно, хотя и не совсем открыто, возмутился действиями молодого руководителя. Теперь ему стало ясно, откуда задул этот холодный ветер.

Это было связано с делом, к которому Хасар тоже был причастен, но одобрить его не мог. Тогда начальник госпиталя, ни с кем не обсудив, решил комиссовать как больного и освободить от службы в армии солдата, пару месяцев назад перенесшего обычную операцию по удалению аппендикса и теперь помогавшего в госпитале по хозяйственной части.

Вот тогда-то два немолодых врача, не привыкших называть здорового человека больным, воздержались от подписи под заранее заготовленным врачебным заключением. Хасар был одним из этих двух врачей.

Несмотря на призывы председателя врачебно-экспертной комиссии и ответственного секретаря, просивших «Старейшины, давайте подпишем бумаги, такую просьбу «сверху» спустили!», они не поставили свои подписи, но, поскольку дело это было привычным, не придали ему никакого значения. И лишь потом, когда выяснилось, что начальник госпиталя, пообещав комиссовать парня, получил от родственников солдата солидную взятку, все встало на свои места.

– Отправляйтесь к себе и напишите мне объяснительную записку! Если не в состоянии сделать операцию, так об этом и напишите. Мы найдем других, тех, кто сумеет прооперировать больного, – потребовал начальник, выпроваживая Хасара из своего кабинета.

– Объяснение? Это пожалуйста, это мы можем написать! Но лично я, не поставив точный диагноз, не намерен брать больного на операционный стол.

Проводив Хасара недовольным взглядом, вспотевший от негодования начальник госпиталя, забыв о существовании носового платка, ладонью отер со лба пот. А Хасар, выйдя из кабинета начальника, по пути к себе вспоминал то время, когда Розыев ушел с работы, а заместитель начальника Генштаба Серкяев, вспомнив о нем, выдвинул Хасара на это место: «Если на это место требуется достойная кандидатура, есть полковник Хасар Мамедханов, лучше него с этой работой не справится никто».

Полковник Серкяев был одним из туркмен, служивших в Германии одновременно с Хасаром.

И если бы он в тот раз не сказал: "Мы уже не молоды, поэтому нам лучше на каком-нибудь участке госпиталя работать, а начальником поставьте кого-то из молодых!", сейчас в этом кресле сидел не кто-то инородный, а он сам.

Возмущенный поведением начальника госпиталя, Хасар впервые за все это время пожалел о своем тогдашнем отказе занять этот кабинет. Ему бы хотелось посоветоваться с Серкяевым, как приструнить этого зарвавшегося взяточника, но совсем недавно того, присвоив звание генерала, назначили главнокомандующим Кушкинского военного гарнизона. После неприятного диалога с начальником госпиталя Хасар задумался о том, как стремительно меняется время, а вместе с ним и люди, о том, как некоторые из них быстро приспосабливаются к условиям нового времени и с легкостью принимают его. У него даже возникла мысль, что вот и Дунья с пониманием отнеслась к этой быстро ворвавшейся в их жизнь новой обстановке и, похоже, схватила ее за узду, при этом он испытал незнакомое чувство, словно и его какая-то неведомая сила как бурным потоком увлекает за собой. У него родилось невольное сравнение с мелкими камешками, которые неистовая ключевая вода катит перед собой.

* * *

Вскоре после возвращения Аннова и Дуньи из стамбульской командировки, где им удалось заручиться поддержкой влиятельных лиц, в Ашхабад прибыл руководитель известной турецкой компании «Акгуйрук ханк-хунк тиджарет» Сорар Йюлюк с одной из офисных дам по имени Гульовсер ханум. Гульовсер ханум приехала в Ашхабад впервые. Зато Йюлюк года три-четыре назад приезжал сюда в составе большой правительственной делегации. Считалось, что вместе с другими делегатами он приехал для оказания братской помощи Туркменистану, на самом же деле хотел развернуть здесь свою работу. Но в тот раз ему это сделать не удалось. Хотя и очень старался: узнав, что Руководство страны увлекается историей и считает туркменский и турецкий народы одним народом, привез в подарок отлично оформленное двадцатитомное издание истории тюркских народов. Надеялся, что ему с легкостью удастся открыть в Туркменистане свое дело.

Именно поэтому он охотно откликнулся на предложение Аннова начать новое дело. Туркменистан, как остров сокровищ, имел сказочно богатые недра, и это больше всего привлекало турка.

На следующий день после приезда в Ашхабад Сорар Йюлюк, ознакомившись со всей документацией и представив, что за работа, в которую он намерен инвестировать свои капиталы, ему предстоит, для более конкретного знакомства с ней надумал лететь вместе с Анновом в Кугитанг.

Аннов решил взять с собой и Дунью, скорее всего для того, чтобы подруге турка не было скучно, но, возможно, посчитал, что при решении вопроса мнение Дуньи может пригодиться.

В поселок городского типа Рудник, прижавшийся к склону горы, они прибыли вместе с Хемра Календаром, которого захватили из Чарджоу в качестве проводника. Этот совершенно обветшавший к этому времени поселок возник в годы войны. Имевшиеся здесь двухэтажные дома были построены тогда же для инженеров, возглавлявших здешнюю работу, а длинные бараки, впоследствии поделенные на несколько квартир, предназначались для проживания согнанных сюда для работы пленных. Пленные подрывали гору и добывали урановую руду, в которой в те годы сильно нуждалась страна. Название поселка Рудник говорило само за себя. Здесь было открыто мощнейшее производство урана из руды, и это производство усиливало мощь необъятной страны. Впоследствии поселок Рудник должен был вырасти в большой город. Но работа рудника, неожиданно начавшись, после войны была также неожиданно остановлена.

Отверстие рудника, напоминающее вход в огромную пещеру, до лучших времен засыпали попеременно несколькими слоями песка и заливали расплавленным свинцом, чтобы смертоносные пары урана не могли просочиться на поверхность. Сейчас здесь о тех временах напоминали лишь этот крохотный поселок городского типа, да еще его название Рудник.

Ознакомив гостей с состоянием Рудника и показав им его окрестности, Хемра Календар, вспомнив о своем гостеприимном знакомом из села Ходжапиль, решил показать им следы древних динозавров, отпечатавшиеся на камне, что лежит над этим селом. Поднимаясь все выше и выше, он вел их в это село по сужающемуся кверху ущелью.

Заночевав в этом селе и угостившись запеченным в тамдыре на можжевельных углях мясом, наутро они отправились на поиски следов динозавров. Рано утром хозяин дома приставил к ним в качестве проводника своего сына-подростка, а сам, собрав все необходимое для пикника, еще с одним своим товарищем

последовал за ними. На южной околице села весело журчал ручеек, напоминая переливчатые звуки голосов радостно-веселых ребятишек.

Гости пересекли речку и стали подниматься по склону горы вверх. Мальчишка-проводник легко шел впереди всех по горной тропинке, и там, наверху, время от времени мелькала его голова. Следом за ним, отделившись от группы мужчин, шли, переговариваясь между собой, две женщины. Глядя вслед мальчишке и боясь потерять его из виду, они прибавляли шаг, но при этом, боясь упасть, ступали осторожно, переживая какое-то восторженное чувство ожидания чего-то необыкновенного.

Женщины, живущие с убеждением, что в жизни, даже расставшись с мужчиной, никогда нельзя отдаляться от него, как только расстояние между ними увеличивалось, останавливались и, обернувшись, поджидали своих руководителей, заодно давая отдых ногам.

Люди в окружении Хемра Календара, получая удовольствие от общения, тоже время от времени останавливались и предавались шумным беседам, на какое-то время забывая, куда они идут.

Откуда-то из-за горы вдруг вынырнуло солнце, и окружающий мир стал чистым и светлым, как лицо новой невестки, когда с него убирают забрало, вызывающее приятные чувства.

Солнце вернуло на свои места все то, что ночью было укрыто от глаз, вернуло всему очертания и краски и внесло ясность в облик окружающего мира.

В отличие от полнотелой гостьи походка у Дуньи была легкой. Стараясь идти в ногу со своей попутчицей, она все же иногда, увлекшись созерцанием красивых гор, и сама того не замечая, опережала ее. Взбираясь на труднодоступные уступы, она протягивала гостье руку и помогала ей тоже подняться.

Группа из нескольких человек с двумя женщинами впереди с опаской смотрела на огромный серый камень, чуть наклоненный вперед и казавшийся готовым покатиться вниз, осторожно обошла его со всех сторон, и в это время в нескольких шагах от них в небо взмыла потревоженная стайка птиц. Птицы, которых поначалу приняли за кекликов, оказались дикими голубями. Кое-где зеленели небольшие островки степной травы, пробившей камни и

устремившейся навстречу весне. Не все растения обладают силой, способной побороть камень. Вскарabкаться на горные вершины, и произрастать там способны только такие жизнестойкие растения, как можжевельник, орех, фисташка. Их можно по пальцам пересчитать.

Окружавшие их большие и малые горы создавали впечатление, что когда-то они были монолитом, но вот пришел могучий человек, похожий на громадного дива, и кулаками, словно орех расколошматил этот монолит, смешал все в кучу – большие и малые куски, и разбросал их вокруг.

В мыслях же по этому плато разбрелись гигантские, один другого страшнее динозавры, пугающее изображение которых ты видел на картинках и по телевизору, и спокойно щипали травку.

Дунья заметила белеющий впереди предмет, похожий на большую круглую доску-репиде, при помощи которой туркменки лепят на стенки печи-тамдыра тесто и выпекают из него лепешки. Она подумала, что это белый камень. Но это был не камень, а самый настоящий гриб, окружность шляпки которого была не меньше, чем у репиде. Сколько было радости от этой находки! Совсем как в детстве, когда по весне отправлялись за грибами и находили их. Причем, этот гриб оказался крепким, с чистой сероватой мякотью, не тронутой червем, и запах у него был превосходный! Оказывается, в здешних местах эти грибы назывались «ягнячьим хвостиком». Ни в одном другом месте Туркменистана не встретишь таких грибов-гигантов.

Они, эти грибы, производят впечатление, будто какая-то белая ярочка, отбившись от отары и увлекшись игрой, потеряла здесь свой хвостик. Причем, если исходить из размеров гриба, похожего на репиде, то это была вовсе не маленькая ярочка, а скорее, подросший ягненок. Верно говорят: «Человек от человека, земля от земли сильно отличаются». Эти грибы – одно из чудес Кугитанга, такое же, как и следы динозавров.

Карабкаться вверх становилось все труднее, чем выше, тем разреженнее был воздух, но это не могло остановить тех, кто жаждал увидеть следы динозавров, напротив, живописная окружающая природа подстегивала их желание. Турчанка от тяжелого восхождения обливалась потом, ее лицо казалось только что умытым, мокрые от пота пряди волос налипли на шею, отчего она казалась еще красивее, еще интереснее. Вспотев, она сняла с себя джемпер и повязала его вокруг талии, и теперь свисавшие полы кофты при ходьбе болтались, как

овечий хвост.

Когда они остановились в очередной раз, чтобы отдохнуть, Дунья протянула гостю пластиковую бутылочку с водой.

– Не хотите водички глотнуть?

– Неплохо было бы!

– Мне кажется, лучше прополоскать рот, не стоит в разгоряченном состоянии пить воду!

– Можно и так.

Она прополоскала рот и, разглядывая окружающую природу, немного отдышалась, а потом, давая понять, как устала, произнесла:

– Однако, путь неблизким оказался.

Шустрый мальчишка-проводник стоял в десяти-пятнадцати шагах впереди них и смотрел сверху вниз. Чем выше поднимались, тем острее становились пики горных вершин, тем шире горные плато. Дунья обратилась к подростку:

– Скажи, а далеко ли нам еще идти?

– Нет, мы уже близко подошли к тому месту. – Не решаясь смотреть прямо в лицо женщин, он посмотрел куда-то в сторону и добавил: – Как только мы перейдем на другую сторону склона, по которому карабкаемся, там будет несколько извилистый спуск. Он как раз упирается в скалу, на которой и видны следы динозавров. Нам лишь бы подняться на нее.

Немного передохнув, женщины продолжили подъем, попутно расспрашивая мальчика-проводника о временах года Кугитанга, о растительном и животном мире этого края. Беседуя с мальчиком, они так и шли все вместе.

А мужчины, словно забыв о цели своего похода, все еще стояли далеко внизу и о чем-то оживленно беседовали. Они не догадывались о том, что женщины, время

от времени вглядываясь вниз, желали, чтобы они скорее поравнялись с ними.

Следы динозавров находились на ровном плоскогорье нижнего яруса горы, разорванной поперек какой-то неведомой могучей силой на две части. А до того, как ее разломали, она, как и все окружающие горы, была настолько высокой, что на ее вершину садились облака. Так ее часть, которая под натиском неимоверной силы рухнула вниз, лежала большой грудой и была похожа на скомканное одеяло. Исходя из размеров обломка горы, можно было представить, что получится такая же красивая и высокая гора, если этот обломок вернуть на место. Динозавры оставили свои «автографы» на нижнем плоскогорье обломка горы. Ученые много бились над загадкой появления следов и выдвинули гипотезу, что динозавры прошли по еще неостывшей и упругой лаве, разлитой по земле вследствие какого-то мощного тектонического взрыва.

В ту пору окрестности Кугитанга были покрыты невиданной высоты травами и густыми лесами.

Вот и эти знаки были следами гигантских тварей, живших на этих плодородных землях.

Вполне возможно, что динозавры, выстроившись цепочкой, направлялись на водопой – в ту пору ущелье, где сейчас располагалось село Ходжапиль, было залито большой водой. Динозавры пересекли нижний пояс склона и направились в сторону ущелья. Их было трое – родители и дитя. По характеру верхних следов можно определить, что они принадлежат динозавру-матери. С присущей взрослым обстоятельностью она неспешно шла вперед, но, дойдя до середины пути, остановилась и обернулась, чтобы увидеть, где там следующее за ней дитя. Этот след отличался тем, что был глубже остальных и немного закручен в обратную сторону.

Рядом со следами внушительных размеров – не меньше ведерного отверстия каждый – видны и выстроившиеся в ряд следы младшего динозавра, и они напоминали следы верблюжьих башмаков. Ниже всех, но сбоку от остальных расположился еще ряд следов, предположительно динозавра-отца.

При измерении этих следов в длину и ширину, они достигали 70-75 см, а другие – 60-65 см.

Предположительно эти динозавры жили в гористой местности Туркменистана 150-170 миллионов лет назад.

Всем была приятна эта встреча с древностью. Разглядывая следы, каждый делал о них свои выводы.

Дунья смотрела на все и представляла равнину в виде ковра, следы динозавров на его поверхности ей хотелось назвать причудливыми ковровыми гелями. Турецкий бизнесмен, удивленно разглядывая следы, то и дело щелкал затвором фотоаппарата, предусмотрительно захваченного с собой. Он сфотографировал Дунью и Гульовсер ханум, сидящих с вытянутыми ногами рядом со следами, а затем сделал общий снимок всех присутствующих. В это время Аннов обошел все следы один за другим, прошелся по другим местам и внимательно осмотрел их, проверяя, не осталось ли где скрытых от глаз следов.

Расспросил у парнишки-следопыта, в каких еще местах этих гор есть такие же следы, уж слишком он заинтересовался этими динозаврами. Дунье показалось, что следы древности заставили Аннова всерьез задуматься о переменчивости этого бренного мира.

Походив вокруг следов динозавров еще какое-то время, и о чем-то поразмыслив, Аннов взглядом дал понять, что ему есть что сказать. Он подошел к тому месту, где стоял Йюлюк и, наблюдая за окружающим миром, о чем-то беседовал с женщинами. С ходу выпалил: «Я хочу у вас кое о чем спросить!», – взял турка под руку и отвел в сторону.

– Как вы думаете, если мы вырежем один из этих следов и продадим, сколько за него можно выручить денег на мировом рынке?

Йюлюк не сразу сообразил, о чем таком говорит Аннов, поправив на носу очки, удивленно и в то же время вопросительно посмотрел на своего визави. Когда же до него дошло, что Аннов оценивающе смотрел на следы глазами предприимчивого человека и что-то задумал, многозначительно улыбнулся и посмотрел на него более внимательно. Турок не смог скрыть своего удивления:

– Если найдется покупатель, ты готов и эти следы продать, Аннов бей!

– А купят?

– Если среди европейских толстосумов отыскать любителей старины, вполне возможно, что кто-то и купит.

– В таком случае, сколько приблизительно это может стоить?

– Думаю, что миллион долларов заработать можно будет. Думаю, что и известные музеи мира могут заинтересоваться таким экспонатом, – высказался турок, давая понять, что вопрос Аннова и в его душе всколыхнул какие-то струны и заставил задуматься. Потом, подумав еще немного, высказал опасение:

– А кто тебе разрешит вывезти это из страны? В нашей стране тех, кто покушается на старину, и тех, кто помогает им, по головке не гладят. Этим людям ждет участь тех, кто помогал Шлиману...

Чтобы Аннову было понятно, кто такой Шлиман, о котором тот никогда не слышал, он взял его под руку, и они вдвоем ходили вокруг следов динозавров. Турок рассказал своему собеседнику следующую историю.

...Шлиман – известный археолог, открывший на территории Турции Древнюю Трою. При помощи турков ему удалось тайком вывезти из страны найденное им золото Трои. Впоследствии турецкое правительство отыскало всех сообщников Шлимана и приговорило их к смертной казни.

Потом Аннов с Йюлюком, забыв, где они находятся, некоторое время стояли молча на плато, с которого на них взидала сама история, отдавшись во власть вечности.

На обратном пути Сорар Йюлюк пошел вместе со своей ханумой, им было о чем поговорить друг с другом. Немного отстав от них, шли Аннов с Дуньей. Они тоже говорили об этом походе, о том, что следы динозавров произвели огромное впечатление как на гостей, так и на них самих. В руках Дунья несла небольшой букетик полевых цветов и трав. Она и сейчас, увидев какой-нибудь понравившийся ей цветок, наклонившись, срывала. Аннов отметил про себя, что этот простенький букетик очень хорошо смотрится в руках Дуньи, идет ей. Подумав о том, что этот рассказ будет по душе и Аннову, Дунья пересказала ему свой разговор с турчанкой о Руднике. И хотя ее хозяин пока еще не сказал ничего конкретного, все же с удовлетворением заметил: «Имей такое

месторождение, и сам царь придет в твой дом на поклон», а потом рассказал, что в древности в дом к человеку, владевшему таким месторождением руды, пришел сам султан страны, чтобы выразить ему свое почтение.

Когда те, кто ходил к следам динозавров, чтобы получить удовольствие от встречи с ними, спустились вниз, Хемра Календар, оккупировав просторный уступ скалы, распоряжался развести костер и заняться приготовлением шашлыков. Кусочки свежего мяса, нанизанные на шампуры, уже поджаривались над костром, шипя капающим в огонь жиром и распространяя вокруг аппетитный запах, вызывающий обильное слюноотечение.

Чистый горный воздух как метлой вычистил все, что было съедено ранним утром. Проголодавшиеся гости с удовольствием расселись вокруг сачака.

Солнце казалось опустившимся ниже (это ощущение усилилось после приема пищи), но было нежарко.

Гости с аппетитом поедали шашлыки прямо с шампуров и запивали их водкой. Дунья и сидевшая рядом с ней женщина расстелили на коленях одно полотенце на двоих, Дунья на правах хозяйки подавала еду гостям, и сама вместе с нею поела. Они временами поднимали бокалы с налитым им коньяком, стукались ими и делали по небольшому глотку. Они были в приподнятом настроении и с удовольствием поддерживали компанию мужчин. А те, чем больше пили, тем громче становились их голоса, словно они разговаривали с глухими, и эхо разносило звуки их голосов по окрестностям. Горячительные напитки, вкусный шашлык все больше возбуждали у собравшихся страсти. К тому же не умолкали разговоры об увиденных следах динозавров, отчего казалось, что вот сейчас они сорвутся с места и опять понесутся наверх, чтобы каким-то образом прибрать к рукам приглянувшиеся им следы рептилий. Страсти накалились до точки кипения. Все думали об одном и том же: о следах динозавров и руднике и связывали с ними надежды на новый поворот судьбы.

Несколько возбужденные от выпитого и увиденного, Аннов и Сорар Йюлюк беспрестанно благодарили за доставленное удовольствие Хемру Календара и хозяина дома. Взяв под руки Хемру Календара, они отводили его в сторонку и о чем-то шептались с ним. Стороны вели торги по еще не пойманной птичке с «золотым» гребешком. Но такой торг не может быть скорым, его долго обдумывают, потому что спешка в этом деле совершенно неуместна. Несмотря на предстоящее объединение трех сил, трех капиталов, подчинить себе такую

гору, естественно, не так-то и просто.

Одно было ясно: таинственный мир Кугитанга всецело завладел умами Аннова и турка Йюлюка.

Уже поздно вечером гости на Джипе Хемры Календара вернулись в Чарджоу. Хемра Календар расположился рядом с водителем, а Аннов и Йюлюк со своими подругами заняли заднее сиденье. Рассчитанное на троих, для четверых заднее сиденье было тесновато, но тут сработал принцип: в тесноте, да не в обиде. И потом, кому это мешает, когда у всех такое хорошее настроение! Аннов и Йюлюк, усадив женщин посередине, сами расположились по бокам, и теперь сидели, прислонившись к своим работницам и заложив руки им за спину.

Машина ехала по серпантину горной дороги, то карабкающейся вверх, то резко спускающейся вниз.

Выбравшись, наконец, на ровную дорогу, машина прибавила газу, создавалось впечатление, что она столкнулась с динозавром и испуганно бежит от него. Йюлюк бей, сидя вполоборота, положил голову на массивную грудь своей подруги и вдыхал запах ее духов, смешанный с запахом женского тела. Он ощущал себя в цветнике, эти ароматы умиротворили его, и он даже задремал.

Одурманенные выпивкой и едой, отдавшие во власть сна гости не заметили, как проехали мимо поселка Рудник. А машина Хемры Календара, прорезав ночь и все больше внедряясь в нее, стремительно неслась вперед.

* * *

Вскоре после того, как Дуня спешно ушла на работу, в дверь несколько раз позвонили. Хасар подумал, что Дуня что-то забыла дома и вернулась обратно.

Направляясь к двери, он недовольно ворчал, возмущаясь тем, как быстро она ушла.

– Поспешишь – людей насмешишь, не правда ли?

Открыв дверь, Хасар увидел на пороге вопросительно смотревшего на него незнакомого юношу. На первый взгляд лицо молодого человека показалось Хасару знакомым, но он не сразу его узнал. Нежданный гость заговорил первым.

– Вы ведь дядя Хасар, так?

– Это так.

Не успел Хасар спросить, а ты кто, юноша торопливо произнес:

– Тогда я не ошибся дверью. Я к вам гостя привез.

– Где же он?

– Я сейчас приведу его!

С этими словами молодой человек сбежал по ступеням вниз. Хасар понял, что юноша поднялся к нему, чтобы уточнить адрес. Спустившись со своего этажа вслед за парнем, Хасар увидел стоящее у подъезда такси, из которого осторожно выходил его дядя.

– Дядя, какими ветрами занесло вас сюда? – улыбаясь, он пошел ему навстречу.

– Да, вот, нужда заставила ехать сюда, – в голосе его звучали тревога и озабоченность. Затем он на каком-то птичьем языке произнес непонятную фразу «Немец проснулся...», после чего коротко пояснил племяннику ее суть. Хасар знал, что дядя носит в своем теле пулю, поэтому сразу же понял, о чем идет речь. И без того взглядом врача по бледному лицу дяди он определил его состояние. Хасару было известно о боевом пути дяди, и он улыбкой дал понять, что не совсем согласен с дядиным словом «немец». Его дядя родился в 1926 году, и хотя свое ранение он связывал с немцами, на самом деле это было не так. На службу в армию он отправился уже после того, как советские войска наголову разгромили немцев и взялись за Японию. Так вот, он принимал участие в тех боях и в одном из них был ранен. Каждый раз, когда дядя начинал рассказ о своем «немце», Хасар понимал, что речь идет о войне 1941-1945 годов и потому, словно оправдывая немцев, называл его «немца» настоящим именем – «японцем», перекладывая на него вину за ранение.

– Ну, так и в этот раз то же самое, – сказал дядя и, вспомнив о пояснении, которое племянник давал каждый раз, одной рукой потер слегка нахмуренное лицо и виновато улыбнулся.

Держа в руках багаж дяди, Хасар повернулся к такси, в которое уже садился юноша-проводник:

– А ну, парень, пойдём, выпей пиалу чая, а потом поедешь!

Юноша благодарно улыбнулся:

– В другой раз, дядя Хасар, я должен на занятия успеть, – он спешно сел в такси и, попрощавшись, уехал.

Хасар привел дядю домой, расстелил перед ним сачак и пододвинул к нему свой чай, а сам направился на кухню, чтобы приготовить для дяди завтрак.

Начав чаевничать, он высказал племяннику, беседовавшему с ним на ходу между кухней и комнатой, свои упреки: «Знаешь что, племянник, после твоего возвращения в страну мы стали видеться с тобой реже, чем тогда, когда ты работал за границей». Это и вправду было так. Работая за границей, и приезжая домой в отпуск, Хасар всегда находил время, чтобы навестить дядю и справиться о его здоровье.

После возвращения на Родину прошло уже больше двух лет, а Хасар за все это время ни разу не встретился с маминым братом. В эти дни Хасар ощущал себя пушинкой, подхваченной ураганом и летящей в неизвестность. Из-за этой неопределенности, отсутствия стабильности и накопившихся переживаний даже близкие родственники казались оставшимися где-то вдалеке.

Дядя заочно представил Хасару юношу, который привез его в этот дом:

– В последние две-три недели мой «японец» и вовсе разбушевался, покоя не дает. Острая боль не оставляет, будто в меня нож вонзили. И ночами спать не дает. С твоей тетей мы то одну мазь прикладываем, то другую пробуем, все без толку... К тому же и сыновья ушли на вышку – вахта у них началась. И я решил ехать сам, думаю, там ведь племянник есть, покажет меня врачам... К счастью,

на вокзале мне тот юноша повстречался. Я бы его и не узнал, это он меня узнал и сам подошел ко мне, представился, помог багаж донести, посадил в поезд... Оказывается, он внук Медета-уста, наш родственник по линии дядь, словом, соплеменник – из племени гарравы. С покойным мастером я вместе в нефтяниках долго работал.

Когда он представился, я внимательно посмотрел на него и увидел, что он и в самом деле похож на Медета. Хороший парень, ухаживал за мной, чай приносил, словом, не отходил от меня до последнего, пока к тебе не привез...

Дядя осмотрелся по сторонам и вдруг спросил:

– А где наша невестка?

– Она, дядя, прямо перед вашим приездом ушла на работу.

Старик хмыкнул, задумавшись, вероятно, о женщине, которая до сего дня никогда не работала, а тут вдруг куда-то устроилась, и ему это не очень-то и понравилось. Но он как-то сразу подумал и о том, что это, видно, веяние нового времени и даже одно из его требований, поэтому не стал продолжать разговор о жене племянника. В этом вопросе ему не нужны были пояснения племянника, потому что и так все было понятно.

Напоив дядю чаем и накормив завтраком, Хасар решил взять его с собой на работу, потому что тот был его больным. Но прежде чем отправиться, вспомнил, что для устройства в госпиталь понадобятся кое-какие документы, поэтому спросил:

– Дядя, а удостоверение участника войны у тебя с собой? – В тоне его был вопрос: а не забыл ли ты свой главный документ?

Когда они приехали в госпиталь, Хасара здесь уже ждали. Ему надо было идти на срочную операцию, поэтому он попросил одного из своих коллег заняться устройством дяди. А тот отвел старика и от имени Хасара положил его в терапевтическое отделение.

* * *

В этот день Хасару пришлось срочно оперировать раненого солдата, привезенного из одной из отдаленных воинских частей, поэтому он немного задержался на работе. Операция прошла неплохо, но парень еще не очнулся после наркоза. Хасару хотелось дождаться, когда тот придет в себя, чтобы спокойно отправиться домой. Как обычно в таких случаях, он заварил чай и пил его с медом и сухарями, которые всегда держал при себе на случай, если вдруг проголодается. Терпеливо ждал. И лишь после того, как больной очнулся, и он еще раз убедился в том, что состояние его не вызывает опасений, Хасар дал кое-какие указания дежурному врачу и поздно ночью уехал домой. По пути домой с каким-то чувством внутреннего удовлетворения представлял, как Дунья, так и не дождавшись его, уснула, что сейчас она, ни о чем не догадываясь, свернувшись калачиком, наслаждается сном в их мягкой постели.

Тихонько открыв дверь своим ключом, чтобы не разбудить уснувшую жену, Хасар почувствовал, как в лицо ему ударил тяжелый запах спиртного, смешанный с горьким запахом табака и подгоревшего кофе. Значит, Дунья не только не спала, но и была дома не одна. Дунья не курила, да и спиртного не употребляла, разве что на праздниках да торжествах семейных «чокнется» и пригубит из бокала, да и то больше для порядка, чтобы не обидеть других гостей. Зато что касается кофе, тут никто не может сравниться с Дуньей в любви к этому напитку. Это был самый большой наркотик, к которому она приучила себя, будучи женой командира и мотаясь с ним в Европе...

Понятно, что в доме гость, но кто он? Навстречу ему вышла несколько возбужденная Дунья и сообщила:

– У нас гостья!

– Кто же она?

– Наша новая знакомая из Стамбула.

«Сейчас иду!» – ответил Хасар и, снимая обувь, снова учуял запах спиртного и подумал о том, что в этом доме спиртное употребляют крайне редко, из чего сделал вывод, что в доме у них находится дорогой гость. Войдя в гостиную,

Хасар увидел полную женщину лет сорока-сорока пяти в европейской одежде, аккуратно подкрученные концы волос лежали на плечах. Она уставилась на Хасара и с интересом разглядывала его. Обычно такие женщины при встрече с мужчинами вызывают у них жадный интерес и будят невольное желание, такие же мысли сейчас промелькнули и в голове Хасара. «А дамочка недурна!» – подумал он про себя.

Дунья с удовольствием представила гостье своего мужа:

– Будьте знакомы – это мой муж Хасар!

– Гульовсер! – гостья встала с места и протянула Хасару руку.

Представив мужа гостье, Дунья ушла на кухню и занялась приготовлением ужина. Очень скоро она вернулась, неся в руках несколько тарелок, после чего они уже втроем заново приступили к трапезе.

С приходом Хасара женщины сменили тему предыдущего разговора, который состоялся, пока они были вдвоем, но теперь он приобрел несколько иной оттенок, и это было совершенно очевидно. До того они говорили о работе фирм, которые выступают в поддержку друг друга, чтобы еще больше разбогатеть, обменивались мнениями о предстоящих горнорудных работах, причем, у каждой из них был свой интерес, поэтому они пытались выяснить друг у друга что-то для себя. А для Хасара как человека бесхитростного и не причастного к этим делам, эти разговоры были и неинтересны, и не нужны. И поэтому женщины, воспользовавшись присутствием в их компании единственного мужчины, постарались перевести разговор на нейтральную тему.

Когда же в разговоре вновь всплыла тема Стамбула, гостья оживилась, лицо ее просветлело, было видно, что эта тема ей больше всего по душе. Она заговорила с каким-то воодушевлением. С удовольствием вспоминала этот крупнейший и прекрасный город Турции, омытый многими морями, с каким-то пылом рассказывала она о том, как любила наблюдать за разбивающимися о берег морскими волнами. Но и этого ей показалось мало, тогда она решила напомнить об истории этого замечательного города, которую она, похоже, знала наизусть и любила рассказывать.

Пророк Мухаммед, отметив в своих хадысах: «Стамбул обязательно будет завоеван, взявший его полководец – прекрасный полководец, войска, захватившие его, – прекрасные войска», – заранее возвестил о захвате этого города.

Однако ни сельджукским, ни последующим султанам город не дался. Убедившись, что не сможет успокоиться до тех пор, пока не захватит его, Танры создал султана Фатих Мухаммеда. Все султаны, до него пытавшиеся взять Стамбул, завещали: «Похороните меня как можно ближе к Стамбулу!», а султан Фатих говорил: «Ищите мои знамена в Стамбуле!» Таким образом, султан Фатих сумел покорить эту неприступную крепость.

Как только в рассказе гости возникла пауза, Хасар воспользовался ею:

– Говорят, Анкара тоже красивый город!

– Но Стамбул еще красивее! – пылко возразила женщина.

С первых же минут знакомства с Хасаром гостя прониклась к нему какой-то особой приязнью. «Достойного мужика выбрала себе Дунья!» – с завистью подумала она о счастливой подруге. В разговоре она время от времени бросала на Хасара восхищенные взгляды. От взгляда Дуньи не укрылось и то, что женщина при виде ее мужа не может скрыть своих чувств. Ухаживая за ними, подавая на стол и временами садясь рядом с ними, Дунья обратила внимание на оживленное поведение гостя, но связала это с действием выпитого и посчитала, когда пары спиртного улетучатся, и это тоже пройдет, как дым, как утренний туман.

Когда Хасар под каким-то предлогом вышел из комнаты, гостя не стала скрывать от Дунья своего восторженного отношения к Хасару. Она вдруг поздравила хозяйку дома:

– Хороший у тебя муж, поздравляю!

Дунья уловила в словах гостя скрытый смысл. Та предупреждала ее: «Смотри, увлекшись таким никчемным человеком, как Аннов, не потеряй парня, который в десять раз лучше него!»

– Что, понравился? – Дунья посмотрела на гостью с хитрой улыбкой, давая понять, что обо всем догадалась.

– Понравился!

– Если хочешь, я могу подарить его тебе! У нас для гостя ничего не жаль!

Произнеся эти слова шутливым тоном, Дунья дала понять гостье, что раскусила ее.

Когда Хасар вернулся, женщины снова вернулись к своим бизнес планам, разгоряченные выпитым, они были оживлены и говорили возбужденно.

Дунья вдруг почувствовала, как сильно хочет спать, у нее начали слипаться глаза, и она стала, широко открывая рот, громко зевать. Если бы не это, гостья, возможно, еще долго сидела бы у них. Только после этого гостья посмотрела на часы, которые показывали приближение полуночи. Поблагодарив хозяев за гостеприимство, она стала собираться к себе в гостиницу, хотя те и предлагали ей остаться: «Поздно уже, заночуете у нас, места всем хватит!». Правда, переводя взгляд с Хасара на Дунью, женщина на какое-то мгновение изменила решение и задумалась: «Может, и вправду остаться?», и это было видно по ее лицу.

Гостья сказала, что поедет на такси, но Хасар знал, что не успокоится, если сам не довезет женщину до гостиницы на своей машине, хотя и выпил немного. Дунья сразу же одобрила его решение: «Поезжай безлюдными улицами, думаю, что гаишники и прочие уже давно спят!».

Хасар улыбкой ответил на заботу жены.

Вспомнил ходячую среди водителей фразу: «Собаки спят, не спит ГАИ».

Хасар оделся и вышел из дома, чтобы подогнать машину к подъезду, следом за ним, держа друг друга за талии и разговаривая, вышли и Дунья с гостьей.

Ночью погода была приятной прохладной. Ощущение было такое, будто тьма спряталась за домами, в неосвещенных местах, но где-то рядом сгущаются

черные тучи, и вдруг сверкнет молния и грянет гром. Когда Хасар подогнал машину к подъезду, Дунья и гостя осыпали друг друга на прощание нежными поцелуями, словно расставались на долгое время.

Машина проехала совсем немного, и вскоре ее салон наполнился парами выпитого спиртного и запахами табачного дыма, смешанного с запахом духов женщины, отчего стало казаться, что не хватает воздуха и трудно дышать.

Женщина расположилась на переднем сиденье рядом с Хасаром, откинувшись на спинку сиденья и вытянув ноги. Она немного вспотела и расстегнула верхние пуговицы своей блузки, словно хотела во всей красе показать свою и без того красивую полную грудь.

Хасар протянул правую руку, чтобы открыть форточку со стороны пассажирки и немного проветрить салон машины.

– Нет, не надо,– попросила гостя. – Я немного вспотела, поэтому не стоит устраивать сквозняк – могу простыть. – Она взяла в свою руку протянутую руку Хасара и положила ее себе на колено.

Хасар почувствовал тепло мягкой и приятной женской ладони.

Подъехав к гостинице, Хасар вышел из машины, открыл дверцу и помог женщине выбраться наружу. Разговаривая с ней, проводил до входа в гостиницу. И только после этого она выпростала свою руку из руки Хасара, которую он подал, помогая ей выйти из машины. У самого входа они любезно попрощались друг с другом.

Сделав несколько шагов, женщина резко обернулась, словно что-то забыла. Окликнула Хасара и попросила его на минутку подойти к ней. Затем достала из маленькой сумочки визитку и протянула ему.

– Вот мои координаты. Вдруг захочешь увидаться? – с каким-то тайным смыслом, хитро улыбаясь, произнесла женщина то, на что в другое время не решилась бы, но сейчас, вероятно, под воздействием паров алкоголя, это получилось само собой.

Хасар остановился, вытянул из ее руки визитку, кивнул головой и благодарно улыбнулся.

– Конечно, – в тон ей ответил Хасар. Неожиданно женщина поцеловала Хасара в щеку, хмыкнув на прощание что-то неопределенное. Сделав оборот вокруг своей оси, повернулась к Хасару, несколько смущенно и довольно улыбнулась ему и быстрыми шагами направилась к гостинице. Хасар погладил щеку, которую только что наградили поцелуем, и, провожая взглядом виляющую солидным задом и удаляющуюся от него Гульовсер, думал о том, что так вести себя может только подвыпившая женщина, что завтра, повстречавшись с ним, она вспомнит об этом и испытает чувство вины и стыда.

Проводив гостью, Дунья убрала все со стола, отнесла на кухню, перемыла всю посуду и расставила ее по местам. Занимаясь делами, она думала о сегодняшней неожиданно нагрянувшей гостье.

Как-то раз Дунья сказала турчанке, что как-нибудь познакомит ее с мужем и сыном.

Сегодня они по делам находились в городе, и Дунья вспомнила о своем обещании пригласить подругу к себе, чтобы пообщаться с ней в спокойной обстановке. Она решила, что более подходящего случая не будет, поэтому сделала гостье предложение пойти к ней домой.

Дунья думала, что как только все уберет по местам, сразу же ляжет спать и немедленно уснет. Подошла к окну и, не раздвигая штор, стала прислушиваться к ночным звукам улицы, чтобы не пропустить шум подъехавшей машины. Ей показалось, что Хасар задерживается дольше положенного. И чем больше времени проходило, тем больше Дунья ощущала себя прежней – женой военнослужащего, когда она с нетерпением ждала возвращения Хасара и переживала, если его долго не было. После возвращения в Ашхабад такое чувство посещало ее крайне редко.

Переодевшись в просторную ночную рубашу и не желая ложиться в постель без Хасара, она села на краю кровати, распустила волосы и еще какое-то время сидела в ожидании мужа.

Рабочий день закончился, и все работники разошлись по домам. В офисе остались только Аннов и Дунья. Оставшись наедине, они решили в спокойной обстановке еще раз просмотреть специально подготовленные документы, которые в скором времени будут рассматриваться в Кабинете Министров. В этих документах были представлены все обоснования для приватизации «Рудника»: будет ли он полезен обществу, и имеют ли фирмы, готовые приватизировать его, возможности для организации работ на месторождении урановой руды.

Дунья открывала в компьютере каждую страницу документа по отдельности, потом они садились и вдвоем еще раз внимательно ее просматривали. Дунья читала ее своим низким бархатным голосом, а Аннов, подъехав к ней на своем кресле поближе, сидел сзади нее и слушал, анализируя каждое предложение и делая выводы, удачно ли оно, уместно ли.

Правда, работа эта была нудной и кропотливой. Для подготовки документов обе стороны пригласили экспертов и взялись за это дело с энтузиазмом. В итоге на бумаге появился отчет о комбинате, приносящем сплошную прибыль, причем были учтены и его польза, и вред, а также возможности инвесторов.

Ради пользы дела они даже разыскали одного из инженеров, работавших на руднике в годы войны, и проконсультировались у него. Старый инженер был поражен, узнав о разрешении на приватизацию месторождения, имеющего для государства стратегическое значение. Потом, правда, подумал, что сегодня страна живет по правилам капиталистического мира, и сделал для себя вывод: «Ну, да, коли СССР приказал долго жить, а его имущество пошло с молотка, значит, и такое вполне возможно». Он отвечал только на вопросы, которыми интересовались его заказчики.

Получив от этих людей за свои консультации солидный куш, старый инженер понял, что ради достижения своей цели, которая сулила им очень большие деньги, они ни перед чем не остановятся.

Помимо этого, Сорар Йюлюк еще раз слетал в Стамбул и консультировался там со знающими людьми, чтобы в вопросе с рудником не осталось никаких неясностей. Ему советовали начинать это дело как можно скорее,

воспользоваться нынешней неразберихой, потому что государство молодо и пока что не во всем разбирается, а вот когда оно встанет на ноги, иметь с ним дела будет гораздо труднее. Ему говорили, что сейчас в Туркменистане в высших кругах не только поощряется взяточничество, что в Турции многие никому не известные фирмы пошли по этому пути и сказочно разбогатели, что многие высокопоставленные чиновники с решающими голосами вряд ли устоят перед долларовой атакой, и советовали действовать именно в этом направлении.

Несмотря на заверения Аннова, что у него есть знакомый, который поможет им решить этот вопрос, его турецкий партнер, привыкший во всем полагаться только на себя, не очень-то веря в способности Аннова, предпочел заняться этим делом сам. Во-первых, отдавая взятку своими руками и от своего имени, ты уже имеешь преимущество в глазах того человека и становишься у него на особом счету. А во-вторых, тем самым ты закладываешь первый кирпичик в фундамент своей собственной выгоды в этом завтрашнем двустороннем деле.

В настоящее время только это было главным условием для здешней работы и обогащения.

Турецкая сторона сама, через своих земляков нашла надежного и квалифицированного человека для помощи в решении вопроса. Для него она устроила специальную вечеринку и познакомила с ним остальных коллег. Женщину, прибывшую от этого надежного человека, звали Марьям, ей было около тридцати лет. У нее были чуть припухшие веки, тонкая талия и красивая прическа, и сама она была худощавой и стройной. На той вечеринке Марьям вела себя несколько высокомерно, демонстрировала свое превосходство над другими, но, пообщавшись с Дуньей, прониклась к ней симпатией. Уезжая, она особенно тепло попрощалась с Дуньей, пообещав не терять ее из виду, созваниваться.

На столе Аннова зазвонил телефон, и он на своем кресле доехал до стола и поднял трубку.

– Слушаю!

– Это я, – раздался на том конце провода знакомый хриловатый голос.

– Что тебе?

– Когда тебя ждать домой?

– Еще работа есть. Как только закончу, сразу же приеду.

– Но твоя работа никогда не кончается! – в тоне женщины звучало недовольство.

– Хорошо, буду через полчаса...

Аннов нахмурился, выказывая недовольство тем, что прервали его работу. Положив трубку на рычаг, он снова подкатил к столу Дуньи, чтобы продолжить работу. Его внимание привлек локон, прилипший к красивой шее женщины и украшавший ее. Он снова с чувством удовлетворения подумал о том, что женщина, когда-то презрительно называвшая его «ослиной подушкой», теперь работает под его началом, всецело подчиняется ему и сейчас сидит рядом с ним.

Уткнувшись в компьютер, Дунья по тону разговора поняла, что он говорил с женой, тем не менее, поддавшись женскому любопытству, спросила у Аннова, когда он снова прикатил к ней:

– Кто это был?

– Жена!

– Что она хотела?

– Что она может хотеть, хочет, чтобы я скорее домой пришел!

В этот момент и Дунья вспомнила о Хасаре, который уже вернулся с работы, приготовил ужин и ждет ее.

– Она права. Время уже позднее, – с этими словами Дунья выключила компьютер и стала собираться домой. – Завтра, все остальное просмотрим завтра, на свежую голову.

Поначалу Аннов был недоволен действиями Дуньи, но, посмотрев на настенные часы, убедился, что время и в самом деле позднее.

– Завтра так завтра, – примирительно произнес Аннов, встал с места и потянулся, затем подошел к окну и выглянул на улицу. Окно было открыто, и легкий ветерок тихонько трепал край шторы.

Все давным-давно разошлись по домам, вокруг царила тоскливая тишина. Лишь изредка доносились звуки то приближающихся, то удаляющихся автомобилей.

Стоя у окна боком, Аннов наблюдал за ночным городом. Там, где горели фонари, было светло, как днем, там же, где их не было, царила непроглядная темень. Опустевшие улицы казались пасмурными. Несмотря на усталость, эта таинственная тишина подтолкнула Аннова к приятным воспоминаниям и мечтам. Теперь уже недалек тот день, когда комбинат станет его трофеем и перейдет в его собственность, ведь они заранее предприняли все необходимые меры для того, чтобы Правительство дало разрешение на начало работ. Зампред, который должен рассматривать этот вопрос, при помощи его близкого человека был подготовлен и перетянут на их сторону. Большую роль сыграло и мнение турецких компаний, с которыми он ранее работал, о перспективности и выгоды данного дела для всех сторон. Понятное дело, турки с их трудоспособностью и упорством не остановятся на полпути. Упорство у них в крови, оно стало частью их натуры. Так что Кугитанг можно считать прибранным к рукам, очень скоро рудник будет приведен в действие и начнет давать огромные прибыли.

Ну а там, где будет богатство, недалеко и до титулов, ну хотя бы бека. Вы еще увидите Аннова, известного на всю страну человека, перед которым будут лебезить, и преклонять колена... Аннов, возможно, еще долго предавался бы сладостным мечтам, но вдруг где-то за его спиной раздался крик филина, который и напугал его, и испортил настроение. Не успел Аннов подумать, откуда в городе взялись совы, как пугающий этот крик, разрывая ночную тишину, повторился еще два раза подряд. Он вдруг вспомнил, что совы любят селиться в руинах, а в некотором отдалении от его офиса стоят две заброшенные бетонные коробки без окон и дверей. И стоят они там, где в советское время два друга надумали построить себе дома и жить по соседству, но тогдашние министры – не позволили им этого сделать и решили построить здесь два многоэтажных дома для высокопоставленных чиновников. Теперь эти дома в самом центре города окончательно развалились и превратились в руины, в которых, похоже, обосновались совы.

В криках сов Аннову слышалось злорадство, и упрек в адрес хозяев этих заброшенных строек: «Ну, что, добились своего?» Теперь эти руины непременно связывали с именем одного из самых известных министров того времени и называли их не иначе, как «графскими развалинами» Ханмурадова. Этот человек долгое время возглавлял всю торговую сеть Туркменистана и сумел сильно разбогатеть. Говорили, что в свое время он был наделен огромной властью, что каждый раз ездил в Москву с целым «дипломатом» денег, что ему даже сам Гапуров, тогдашний руководитель республики, был не указ, потому что у его жены в Москве были влиятельные родственники, занимавшие посты в Кремле.

Говорят, однажды в торговую сеть Ашхабада поступили два очень дорогих мебельных гарнитура, один из которых был отдан Гапурову, а от второго другие министры отказались по причине его чрезмерной дороговизны. И тогда Ханмурадов распорядился: «Отвезите его ко мне, я за оба сам рассчитаюсь», – и очень сильно удивил коллег своей платежеспособностью.

Строительство этой башни он начал в самый канун падения советской власти, когда уже был слышен скрип ее колес, но завершить не успел. Так и остался дом недостроенным и теперь стоял в центре города, став символом разрушенной судьбы некогда правившего миром богатого хозяина, его развалившейся, как вся советская эпоха, жизни.

Аннов не очень-то верил в приметы, но голоса сов, будто выдававшие его тайну и в чем-то упрекавшие, он воспринял как унижение собственного «я», и от этого у него испортилось настроение.

Ему захотелось бросить в эту сову камень и прогнать ее, как в детстве он прогонял каркавшую на дереве перед домом ворону.

– Ну, что, теперь-то мы поедem домой?

Обернувшись на голос Дуньи, Аннов увидел, что она уже собрала свои вещи и с сумкой на плече ждет его возле выхода.

* * *

Приехав утром на работу, Хасар припарковал машину, взял оттуда сумку и направился в отделение.

До утренней пятиминутки было еще достаточно времени, поэтому он решил провести дядю. Войдя в ординаторскую, надел халат и хотел сразу же идти в дядину палату. Он и без того без конца проводывал его, не хотел, чтобы тот чувствовал себя безродным. Накануне, нагрузившись провизией, приехали его жена и старший сын, чтобы кормить и ухаживать за больным.

Очнувшееся ото сна утро было тихим. Двор госпиталя был густо засажен высоченными деревьями, поэтому каждый, кто приходил сюда, чувствовал себя оказавшимся в лесу.

Подходя к отделению, Хасар заметил одиноко сидевшего в сторонке старика. Он был примерно того же возраста, что и его дядя, то есть где-то под семьдесят, всклокоченная борода беспорядочно лежала на груди.

Хасар подумал, что старик неспроста так рано прибыл сюда, но ему и в голову не могло придти, что тот ждет именно его. А старик сидел в том месте, где, как ему подсказали, должен был пройти Хасар.

Хасар поздоровался со стариком и хотел идти дальше, но тот остановил его вопросом:

– Сынок, ты случаем не доктор Хасар?

– Да, яшули! – Хасар обернулся и замедлил шаг, чтобы выслушать старика.

– Тогда, сынок, у меня к тебе есть разговор. Да, я сказал, сам поговорю с ним, посмотрю, что он скажет... А про тебя, сынок, всякое говорят. И хорошим врачом называют, и по-другому... Я никак не мог успокоиться, думал, если он человек, с ним можно будет договориться...

Хасар сообразил, что старик является родственником кого-то из его пациентов и хочет переговорить с ним с глазу на глаз. Он повел старика с собой в кабинет.

Старик оказался дедом того самого солдата из Иолотани, которому все никак не могли поставить диагноз и потому не брали на операцию, только с одного обследования на другое водили... В тусклых глазах старика, на его морщинистом лице отпечатались следы переживаний.

Хасар хорошо помнил того статного красивого юношу, который буквально на глазах таял. Этот парень был его постоянной болью и переживанием, осевшим где-то в закоулках души. На днях у него состоялся коротенький разговор с этим солдатом. Осматривая больного, Хасар обратил внимание на его руки, которые были мягкими, как у врача или женщины.

– А до армии ты чем занимался? Уж больно руки у тебя мягкие, не похоже, чтобы ты выполнял грубую мужскую работу, – удивился Хасар.

Юноша стеснительно улыбнулся в ответ:

– Доктор, я очень люблю музыку. С семи лет занимаюсь ею. Вы, наверно, слышали о музыканте по имени Овездурды-кекирдек, да и по радио часто дают его музыку. Настоящий маэстро! Он друг моего дедушки, я ходил к нему и учился у него музыке. Он даже как-то раз сказал дедушке, что из меня может что-то получиться. – Потом добавил: – Вот я выздоровлю и тогда с удовольствием поиграю для вас.

Хасар видел, что юноша возлагает на него большие надежды, верит в свое излечение. И этот момент запечатлелся в памяти Хасара.

Представившись, старик сразу же перешел к делу, не стал ходить вокруг да около. В надежде на то, что доктор поймет его и после этого изменит свое отношение к его внуку, стал взволнованно рассказывать то о детстве мальчика, то о его службе в армии, где он и получил эту болезнь. От волнения речь его была сбивчивой. Разговаривая, он достал из кармана серого халата-дона белый платок, подержал его в кулаке, а потом пару раз отер им с лица пот. Хасар понял, что он хочет еще что-то сказать. Но старик все не решался заговорить на запретную тему. Видно ему нелегко было начать этот разговор, потому что, несмотря на прохладную погоду, старик обливался потом.

Из разговора со стариком Хасар догадался, что родственники юноши по-своему расценили задержку с операцией и видели причины этой задержки вовсе не в

том, что врачу было необходимо уточнить диагноз. В некоторых случаях, когда вот так же откладывалась операция, родственники начинали суетиться и думать, что врач ждет от них какого-то вознаграждения за свою работу.

Поняв из завуалированной речи, что старик ждал его именно с этим намерением, Хасар постарался убедить его в своей искренности и в том, что он сделает все от него зависящее, чтобы поставить его внука на ноги. Хасар хотел, чтобы старик поверил ему и отказался от своего намерения «заплатить доктору». Вместе с тем он догадывался, что за этой встречей каким-то боком маячит начальник госпиталя, с которым их мнения относительно лечения юноши были кардинально противоположными, но который при любом удобном случае старался поставить Хасара в неловкое положение.

Видно, старик обратился к нему за помощью, а тот охотно «намекнул»: «Наверно, врач ждет чего-то от вас...» и отправил старика к нему.

Таких, как Хасар докторов, привыкших работать честно, осталось совсем немного, потому что в последнее время для врачей становилось делом привычным иметь побочный заработок за счет больных.

Похоже, начальник госпиталя, получив от родственников юноши свою мзду, пообещал им, что после операции поможет получить заключение о его непригодности к воинской службе.

Но Хасар все еще был уверен в том, что парня можно поставить на ноги без операции, что брать его под нож – самая крайняя мера. Если все же придется оперировать юношу, Хасар собирался делать это после консультации со специалистами, например, с профессором Чары Назаровичем.

Хасар и сам был знаком с профессором, в Ленинградском мединституте он учился примерно в одно время с Чары Назаровичем. Сейчас он собирался договариваться с ним о скорой встрече. А после консультации с ним применить к юноше именно то лечение, которое ему больше всего подходит. Вполне возможно, что Чары Назарович скажет: «Это наш больной, поэтому его лучше перевести в нашу клинику».

Хасар не стал говорить старику всего этого, да и не было нужды в том, чтобы что-то ему объяснять. Он только пообещал старику, что сделает для больного

все от него зависящее и, если потребуется, даже прооперирует его. Старик уходил от него благодарным. Прощаясь, старик вновь повторил слова, которые уже неоднократно звучали в его речи: «И после операции я не останусь в долгу, приду к вам».

Проводив деда, Хасар начал просматривать лежавшие на его столе истории болезней. Он все еще был под впечатлением от разговора со стариком. У него было такое чувство, словно он только что прослушал трагическую музыку.

Взглянув на часы, Хасар вспомнил, что ему надо идти на пятиминутку, встал из-за стола. Увидев на том краю стола, где сидел старик, белый носовой платок, которым тот отирал пот, Хасар подумал, что дед забыл его. «Отдам солдату при обходе, он сам передаст его деду», – подумал Хасар, взял платок и, даже не заглянув внутрь узла, забросил его наверх платяного шкафа.

* * *

Прослышав о предстоящей операции дяди Хасара, фронтовика, его близкие сразу же съехались в Ашхабад. Конечно, пользы от них никакой, разве что Богу помолятся за удачный исход операции, но разве удержишь дома, когда твоего родного человека будут резать!

С тех пор, как дядю положили в госпиталь, младший брат Хасара время от времени звонил из Красноводска и справлялся о состоянии больного. А пару дней назад сюда приехал младший сын старика, чтобы ухаживать за отцом в послеоперационный период.

В тот день, подъехав к госпиталю вместе с двоюродным братом и его женой на своей машине, Хасар увидел стоящую тут же машину своего сына Арслана. «Наверно, прослышал об операции и приехал, не смог спокойно усидеть дома», – подумал Хасар.

Подъехав ближе, Хасар увидел, что в машине сына он не один, и как только Хасар вышел из своего автомобиля, ему навстречу бросилась дочка младшего брата лет десяти-одиннадцати.

– Дядя!

– Дочка! – Хасар ласково обнял за плечи шуструю девчушку. Но не успел он ей и слова сказать, потому что увидел, как из задней дверцы машины с трудом протискивается грузное тело матери.

– Ого, оказывается, и мама приехала! – обрадовано воскликнул Хасар. Подойдя к матери, обнял ее за плечи, поздоровался и стал спрашивать о ее здоровье. Оказывается, мать приехала утренним поездом и пошла не к нему, а к внуку, там она попила со сватьей чаю, после чего приехала сюда.

Хасар переживал, что мать в столь почтенном возрасте отправилась в неблизкий путь.

– Мама, вы тоже приехали?

– Приехала, сынок.

– Вам не стоило беспокоиться. Состояние дяди удовлетворительное. И потом, я ведь сам присматриваю за ним.

– Так-то оно так, но я решила своими глазами его увидеть. И потом, я и с вами давно не виделась, порядком соскучилась, поэтому взяла и приехала.

Хасар понял, что, узнав о предстоящей операции, мать не смогла усидеть на месте. Да и брат ее знает, в каком она состоянии, с трудом по дому передвигается, не стал бы он обижаться, если бы она не смогла навестить его. И уж если на то пошло, разве не ее сын вместе со своей семьей ухаживают за ее братом?!

Узнав, что брату предстоит операция, не смогла спокойно сидеть дома и ждать. Даже если ты стар, брат есть брат.

Хасар намеревался делать операцию сам. После проведенного полного обследования выяснилось, что «немец», воспользовавшись пустотами, образовавшимися в стареющем организме, пришел в движение и стал причинять дяде сильное беспокойство. Значит, надо разобраться с «немцем» прежде, чем

он успеет «разобраться» со старым дядей. Пару дней назад он вместе с коллегами провел консилиум, и все пришли к единогласному мнению: нужна срочная операция!

Во время службы в Германии Хасар оперировал старшину, который, как и его дядя, носил в своем теле немецкую пулю. Конечно, ему тогда нелегко пришлось, ведь такую операцию он проводил впервые. Но сейчас, перед такой же операцией, Хасару было приятно вспомнить, что впоследствии тот старшина служил в его части и находился в строю. Хасар испытал приятное чувство собственной значимости.

Перед самой операцией Хасара неожиданно вызвал к себе начальник госпиталя. Ему было известно, что сегодня будут оперировать дядю Хасара. Но он был обижен на хирурга за то, что тот не послушался его и не стал оперировать указанного начальником человека, зато так старается для собственного дяди. Понимая, что эту операцию нельзя задерживать, он все же решил показать, кому из них принадлежит власть.

Хасар никак не мог понять, для чего его вызывает начальник в тот момент, когда он направляется в операционную. "Что такое срочное понадобилось ему от меня?" – недовольно подумал он, тем не менее, велел своим ассистентам идти в операционную, пообещав присоединиться к ним сразу же после встречи с начальником госпиталя. Начальник госпиталя и в самом деле испытывал к Хасару неприязнь, он считал его человеком, не умеющим жить по правилам сегодняшнего дня.

Начальник встретил Хасара с недовольным видом, его глаза, превращающиеся в щелочки, когда он хмурится, исторгали яростный свет.

– Хасар Мамметханович, как понимать ваши действия? – требовательным тоном спросил начальник.

Хасар видел, что начальник чем-то недоволен, и даже подумал, что кто-то что-то мог наговорить ему, однако в тот момент не догадывался, с какой стороны задул холодный ветер.

С присущим ему спокойствием стал ждать, когда тот откроет причину своего недовольства. Начальник, у которого все внутри клокотало, долго ждать не

заставил.

– Выясняется, что старик, которого сегодня будут оперировать, ваш дядя!

– Да, дядя, и что с того?

– Почему вы не поставили меня об этом в известность?

– Мой дядя, господин начальник госпиталя, в первую очередь больной. А лечить больных – наш долг. И потом, разве я обязан докладывать вам о каждом больном и степени его родства со мной? Даже если бы я это сделал, что изменилось бы?

– Изменилось бы, потому что, во-первых, все, кроме военнослужащих и членов их семей, должны лечиться в общих больницах, разве вам это неизвестно?

«Вон он откуда ветер-то задул! Ну что я за человек! Знал ведь, что этот не встанет на твою сторону, не поддержит тебя как коллегу. Надо было мне поставить его в известность, чтобы он от меня, а не от других узнал об этом!», – Хасар пожалел о том, что не пришел к начальнику госпиталя раньше.

Однако требовательный тон начальника задел Хасара, но он постарался не уподобляться ему и говорить спокойно:

– Возможно, вы ознакомились со сведениями о больном. Этот человек, подлежащий лечению как в больницах общего профиля, так же, и в первую очередь, имеет отношение к военному госпиталю. Он ветеран войны. В советское время было принято специальное постановление о лечении ветеранов войны в военных госпиталях. Это постановление не утратило силы и по сей день. А победу, за которую они проливали кровь и завоевали ее ценой собственной жизни, страна и по сей день празднует ежегодно.

– Тогда почему же ваш дядя не лег в военный госпиталь Балканского ваята?

Хасар чего угодно ожидал от начальника госпиталя, но не такой мелочности. Это разозлило его. Он почувствовал, как вспыхнули огнем кончики его ушей, так бывало всегда, когда он приходил в ярость. Смутные мысли роились в его голове, но сейчас он посчитал необходимым ответить начальнику госпиталя

таким же тоном, найти для него такие же злые слова.

– Я вижу, вы не слушаете меня, господин начальник госпиталя? – Сам того не замечая, Хасар подбавил словам своим яду и пошел в наступление. – Я только что сказал вам, что этот больной не обычный больной, что, когда потребовалось, он отправился защищать Родину. А такие люди имеют право лечиться в военных госпиталях в любое время, когда у них в том нужда возникает. Наш госпиталь центральный, отчего же в нем не могут лечиться балканцы? Я горжусь тем, что у меня есть такой дядя. Он не из тех, кто в те годы всеми правдами и неправдами добывал «броню» и прятался за юбкой жены.

Хасар произнес эти слова, зная, что дед начальника госпиталя в годы войны не ушел на фронт по «броню», хотел досадить ему.

– И потом, в нашей стране нет такого разграничения, что марыйцы должны лечиться в Мары, лебапцы – в Лебапе, а жители Балканского веляята – в Балкане. И быть такого не может. И если кто-то надумает ввести такой запрет и нарушить целостность нашей страны, быстренько получит по шапке, в этом нет никаких сомнений. Здесь – столица, и она открыта для всех. Думаю, что туркмены вряд ли кому-то из коварных злоумышленников позволят с легкостью разрушить свое государство, о котором так долго мечтали!

Видя, что разговор приобретает политическую окраску, что это может не понравиться там, наверху, начальник госпиталя покраснел, как рак, и испуганно вскочил с места.

– Товарищ полковник, вы меня не так поняли! – по мере возможности он постарался говорить миролюбивым тоном. – Я вовсе не хотел сказать, что балканцы не должны лечиться в Ашхабаде, вовсе нет... Просто с переходом на рыночные отношения мы открыли у себя специальное отделение, в котором предусмотрено лечение приезжих на платной основе. Пусть лечится, на здоровье, но только с соблюдением всех правил, предварительно внося плату. Таковы правила.

– Но плату за лечение он уже давно внес, господин начальник госпиталя!

– Когда, кому он заплатил? – искренне удивился начальник госпиталя и пожал плечами, во взгляде его было недоумение: если он заплатил, я должен был бы

знать, ведь я сам веду всю эту бухгалтерию. Он напрягал память, пытаясь что-то вспомнить. Тем временем Хасар дал ему ответ, поисками которого тот был занят.

– Они Родине заплатили. И не деньгами, а жизнями своими, кровь проливая, заплатили... Думаю, что документ о такой плате имеется и у вас, хорошенько поищите его... Или вот что. Такой документ должен быть в Министерстве обороны, я проведу операцию, потом сам съезжу туда и привезу его вам. А если такой документ не обнаружится, вы можете потом из моей зарплаты вычесть плату за лечение!

Эти слова Хасар произнес требовательным тоном, в котором отчетливо слышалось: «Ты делай вид, что ничего не понимаешь, а я постараюсь лучше толковать тебе!»

Упоминание Министерства обороны еще больше напугало начальника госпиталя. Он понял, что если до них дойдет весь этот разговор, ему не поздоровится, к тому же знал, что и в министерстве найдется немало людей, которые поддержат Хасара.

После этого его разговор и вовсе стал непонятным: то он будто отрекался от своих слов, то будто защищался, во всяком случае, пыл его поубавился.

Выйдя от начальника госпиталя, Хасар, хоть и спешил, не торопился идти в операционную, по пути зашел в свой кабинет и сделал несколько глотков заваренного с утра чая. Посидел немного, успокаиваясь и готовя себя к операции.

Когда Хасар вошел в операционный зал, его ассистенты были заняты подготовкой к предстоящей операции.

Приступив к операции, Хасар, как водится, выбросил из головы все посторонние мысли и полностью отдался заботе о больном на операционном столе.

Пока шла операция, он вспоминал некоторые эпизоды из военного прошлого дяди. Война была в разгаре, и ее пламя уже наступало и на Туркменистан. Сколько людей было погублено и потеряно за короткий срок! Немало было и таких, кто возвращался домой калекой, без рук и ног. Дядя Хасар был одним из

туркменских парней, вернувшихся домой с осколком в теле. С тех пор прошло больше пятидесяти лет, а старый солдат все еще продолжал воевать со своим «немцем».

В детстве Хасар много раз слышал, как его мать переживала за дядю, как она со слезами на глазах повторяла: «Мой единственный брат получил на войне ранение и вернулся домой с пулей в груди!»

О том, что с поля боя его привезли для операции в полевой госпиталь, что врачи, изучив все обстоятельства и выяснив, что пуля находится слишком близко к сердцу, решили: «Отложим операцию до лучших времен, сейчас не стоит этого делать, а вот если пуля начнет двигаться, тогда и посмотрим», – Хасару рассказал сам дядя.

Рассказ этот запечатлелся в памяти Хасара, и хотя он уже и сам стал врачом, он и подумать не мог о том, что когда-нибудь ему самому придется довести до конца тот бой с врагом.

Работая врачом, он часто думал о «враге», которого дядя носил в своей груди, о том, что операция в годы войны могла закончиться неудачей, что тогдашний медицинский инструментарий оставлял желать лучшего, и потому счел правильным решение военных врачей отложить операцию.

Когда началась операция, мать Хасара вместе с двумя внуками, сыном брата и его женой поднялась на второй этаж, чтобы быть поближе к операционному блоку. Сейчас все ее мысли были с сыном, который взялся уничтожить братниного «немца». Она молила Бога о том, чтобы Он помог ее брату избавиться от своей болячки, а сыну – не ошибиться и довести дело до победного конца.

В холле второго этажа было многолюдно, все стоявшие там стулья были заняты, многие стояли, прислонившись к стенам, кто-то стоял у окна. Увидев с трудом передвигающуюся старую женщину, кто-то из молодых встал и уступил ей место. Из-за столпотворения холл казался тесноватым, и в нем было душно. Когда сидевший рядом со старухой человек встал и ушел, нашлось место и для женщины с полной сумкой, прибывшей ухаживать за больным мужем.

Арслан вместе с двоюродным братом стояли возле них и о чем-то переговаривались. Бабушка с гордостью отметила про себя, как ее внуку идет форма военного летчика.

– Ты, сынок, человек занятой, можешь идти на работу, – разрешила она, но Арслан не стал уходить, остался, чтобы в трудную минуту поддержать родных, за что бабушка в душе была благодарна ему.

Несколько лет назад, когда ее внук пошел учиться на военного летчика, бабушка испугалась за него, ведь его профессия и опасна, и трудна... Она даже думала с недовольством: «Неужели моему внуку на земле не нашлось занятия, что он отправился за ним на небо?!»

Каждый раз, бросая взгляд в сторону операционной, женщина беспокоило думала: «Как там мой братишка?». Она видела перед собой толпы людей, которые, как и она, с нетерпением ожидали окончания операции, крутившихся перед дверью операционной женщин в белых халатах, на все вопросы родственников отвечавших коротко: «Операция еще не закончилась!».

Через час стало известно, что там одна операция уже сделана, а следом за ней завершилась и другая. Санитарки одного за другим провезли на каталках оперированных больных в сторону реанимационного отделения. Собравшиеся родственники получили возможность хотя бы на короткий миг увидеть своих больных, по их лицам попытаться определить их состояние после операции.

А вот операция старика, похоже, затягивалась. Женщина опять подумала, что сын не может справиться с болезнью брата, и впала в уныние.

«... Твоя пуля похожа на пригревшуюся на твоей груди змею, которая привыкла в дремоте слышать стук твоего сердца. Вряд ли она согласится с легкостью покинуть насиженное место!» – женщина по-своему представляла то, что сейчас происходило там, за дверью операционной.

Но потом она переводила мысли в другую плоскость и начинала думать о том, что ее сын Хасар – опытный врач, и он обязательно спасет дядю, избавит его от этой проклятой напасти. Думая так, женщина успокаивалась и начинала молиться, прося у Бога удачи для сына.

Труднее всего было ждать, но больше всего мучила неизвестность – как там, что там происходит? Женщина не знала, сколько времени прошло с начала операции, но она чувствовала, что ожидание затянулось.

Чем больше она ждала, тем сильнее становилось ее беспокойство, и вот уже оно захватило всю ее без остатка. Каждый раз, когда открывалась дверь операционной, ее голова невольно поворачивалась в ту сторону.

Когда же в дверях наконец-то появился в белом халате Хасар, держа в руках плоскую ванночку, и стал озираться по сторонам в поисках своих родственников, встревоженная мать и сама не заметила, с какой легкостью подняла со стула свое грузное тело.

Она переводила беспокойный взгляд с Хасара на эту непонятную чашу в его руках, догадываясь, что она каким-то образом связана с ее братом, а потом посмотрела на сына вопросительно. Не увидев на лице сына признаков беспокойства, она отогнала от себя все свои страхи и взяла себя в руки.

Хасар подошел к матери и предъявил ей емкость, в которой лежало что-то черное, затем подцепил это пинцетом и сдвинул с места, показал ей.

– Вот, нене, наконец-то мы расквитались с дядиным "немцем"!

– Как состояние дяди?

– Операция прошла неплохо, нене!

Переволовавшаяся женщина не заметила, как из глаз ее выкатились и побежали вниз бусинки слез. Не в силах что-либо вымолвить, молча положила голову на грудь сына, выражая ему свою благодарность, и беззвучно заплакала.

И лишь после этого все, кто стоял рядом с ними, облегченно вздохнули.

Отвозя бабушку на своей машине домой, Арслан видел, как с ее лица, словно тучи, рассеиваются тревоги и переживания, и радовался за нее.

Успокоившаяся бабушка уже думала о своих любимых правнуках и спешила как можно скорее добраться до них. Она уже строила планы и представляла свое общение с ними.

Дунья жила в доме, который, как и многие другие, был построен после Ашхабадского землетрясения 1948 года. Спустя десять-пятнадцать лет после той катастрофы Айназар ага купил его у одного отъезжающего кавказца. Фасад дома выходил на улицу, он состоял из трех небольших комнат и кухни.

В то время Айназар ага большего дома и не требовалось. Впоследствии одну из комнат заняла подросшая Дунья, а самая большая комната стала гостиной.

Главный гость не заставил себя долго ждать. Дунья выросла, вышла замуж, и они приняли в дом Хасара. После рождения Арслана Айназар ага сделал к дому пристройку из четырех больших и светлых комнат. Вот так, с рождением первого внука, семейный фундамент, который и без того был достаточно крепким, укрепился еще больше, связав членов семьи прочными нитями родства.

Увидев, что Арслан вернулся с бабушкой, другая его бабушка, мать Дуньи, переживавшая, что их так долго нет и беспокоившаяся, не случилось ли чего, тут же успокоилась и, с трудом передвигая свои отечные ноги, пошла навстречу сватье.

– Ну, как, сватья, операция хорошо прошла?

– Слава Богу, закончилась. Правда, долго шла. Мы устали ждать ее конца.

– Ну, да, когда ждешь, и время тянется медленно! А кто оперировал – сам зять?

– Конечно, раз он там работает, разве позволит кому-то другому оперировать своего дядю?

В словах матери звучала гордость, замешанная на чувстве благодарности.

Вдруг взгляд бабушки упал на сынишку Арслана, который катался по двору на новеньком велосипеде, совсем недавно полученном в подарок от бабушки и дедушки по случаю его дня рождения. При виде правнука сердце прабабки

дрогнуло и радостно забилося в груди. Когда сегодня утром женщина сошла с поезда, оба ее правнука еще спали.

– А ну, дитя, подойди, поздоровайся с бабушкой!

Эту бабушку мальчик видел редко, поэтому не сразу кинулся в ее объятия, стоял в нерешительности. Арслан, который уже садился в машину, увидел, что его сын чурается бабушки, и обратился к нему строгим голосом:

– Эй, молодой человек, ты что, уже бабушку свою не узнаешь? Иди, поздоровайся с ней!

Мальчишка оставил велосипед, осторожно подошел к бабушке и застенчиво обнял ее.

Оказавшись в объятиях прабабушки, мальчик тотчас же вспомнил, что она является еще и бабушкой его друга Сахата, с которым он играл, приезжая в Красноводск, вспомнил, как однажды она, усадив их на свои плечи, сфотографировалась с ними, и еще какие-то эпизоды, связанные с этой бабушкой, ожили в памяти ребенка. Чтобы ощутить эту близость, эту любовь, мальчику было достаточно оказаться в объятиях бабушки.

Старший сын Арслана сразу же узнал прабабку, увидев ее, подбежал к ней и радостно обнял ее.

Он радовался ее приезду.

– Эне, ты приезжала к нам утром, когда мы спали?

– Да, дитя, поезд прибывает на рассвете.

– А я и не почувствовал. – В его словах можно было услышать другое: «Если бы я почувствовал, тогда бы поздоровался с тобой и обнял тебя».

Слова ребенка вызвали у старой женщины прилив нежности, она загордилась своими правнуками.

Как только бабушка с правнуками и сватьей, мило беседуя, прошли в дом, в комнату вошла жена Арслана. Прикусив зубами яшмак, она всем своим видом выказывала радость от встречи со старшей свекровью. Ее большие красивые глаза лучились счастьем, волнуясь, она почтительно поклонилась женщине и поздоровалась с ней.

А после, памятуя, как вся семья собирается вместе, когда эти две старые женщины объединяются, она пригласила своих бабушек-свекровей в гостиную, где для них был накрыт сачак, и сразу же поставила перед ними большой чайник заранее заваренного и уже хорошо настоявшегося чая.

Изредка встречаясь, мать Хасара и мать Дуньи, уважительно называя друг друга сватьями, ведут милые беседы, а сами в это время исподволь любят и гордятся своими ненаглядными внуками, радуются им, в душе моля Всевышнего о семейном благополучии и счастье всех членов этой дружной семьи.

И хотя они никогда не говорили об этом друг другу вслух, в душе мать Хасара благодарила родителей Дуньи за то, что они воспитали и вырастили такую прекрасную дочь, ее невестку, достойную своего мужа, в свою очередь, мать Дуньи была благодарна родителям Хасара за такого прекрасного зятя.

Комната была чисто убрана, в ней было приятно находиться. Чувствовалось, что молодая хозяйка любит свой дом и с удовольствием ухаживает за ним. С таким же удовольствием она сейчас обихаживала двух старух.

На окнах висели шторы, цвет которых гармонировал с цветом стен, понизу они были подбиты бахромой. Одну стену комнаты занимала натертая до блеска мебель темно-коричневого цвета. На противоположной стене висел большой красивый ковер, в центре которого красовался увеличенный портрет Айназар ага в рамке. Вид у него был задумчивый, казалось, что он с любовью разглядывает убранство своего дома.

Эту фотографию Арслан увеличил после кончины дедушки, сделал из нее портрет, поместил его в рамку и повесил здесь, чтобы всегда видеть дорогое лицо родного и любимого человека. Семья до сих пор остро переживала его уход, всем его не хватало. В этом доме не забывали деда ни на минуту, поэтому он, хоть и незримо, но продолжал жить в нем. Разглядывая портрет, каждый по-своему читал его взгляд. Но тяжелее всех далось расставание с близким

человеком матери Дуньи. Но и Дунья, и Хасар, а также Арслан с женой и детьми окружили женщину таким вниманием, такой заботой, что не давало ей впадать в уныние и горевать об ушедшем муже.

И все же иногда, оставаясь наедине с портретом мужа, старая женщина безмолвно разговаривала с ним:

– Мне казалось, что после твоей смерти умру и я, а вот ведь до сих пор жива.

– Да почему же ты должна умереть, надо жить, пока Господь Бог не призовет. И потом, я ведь на тебя оставил всю семью, тебе ее доверил! Нет, я ни о чем не жалею, моя любимая кайтарма (он любил подшучивать над женой, называя ее кайтарма)... Я благодарен Дунье, она оправдала наши надежды. Она и сына нам подарила, и внуков

с правнуками. Разве это не счастье – пить воду с рук правнука? А мы с тобой пили воду из рук не одного правнука, моя любимая кайтарма!..

Эти дети выросли на моих, да на твоих руках, мы их своей любовью окружили. И вообще, Арслан, Дунья, наши правнуки – это и есть мы с тобой. Так что мы с тобой теперь в них продолжаемся. Если будете дружны, уцелеете, а будете целы – будете сильны!..

– Слава Богу, мы дружны,– эти слова хозяйка дома произнесла, обращаясь к мужу, словно отчитываясь перед ним.

– Если будете дружны – и не развратитесь, будете жить хорошо!

Хозяйка дома, хотя ее мужа уже несколько лет не было на свете, каждый раз, заходя в эту комнату и видя портрет Айназара, верила, что он разглядывает дом и, словно беркут, расправив крылья, охраняет его, верила, что его дух оберегает всю семью, бывала довольна и благодарна ему, как была всегда благодарна, когда он был жив. При любых обстоятельствах она находила во взгляде мужа поддержку.

Сейчас она прочла во взгляде мужа обращение к ней самой: «Ну, что, жена, к тебе сватья приехала?!», – словно он с удовольствием поздравлял ее с этим событием.

Обслуживавшая их молодая невестка, жена Арслана, как только женщины выпили немного чаю, принесла им дымящийся, вкусно пахнущий обед.

Гостья, разглядывая внучатую невестку, с удовлетворением отметила про себя, что та немного поправилась, и эта полнота придала ей большую женственность, она стала еще красивее. Старуха была по-матерински счастлива, что ее любимому внуку досталась такая милая жена, с которой они живут в мире и согласии. Про себя она пожелала, чтобы они всегда жили так дружно, в любви и согласии, и чтобы эту свою любовь передали своим детям, ее правнукам. Жена Арслана была внучкой сестры его бабушки по матери. Бабушке она сразу понравилась, она говорила, что девушка похожа на ее мать, и всей душой захотела взять ее в жены своему внуку. И хотя она сильно нравилась бабушке, юноша с девушкой почему-то не сразу нашли общий язык. Правда, после первого знакомства они даже пару раз вместе сходили в кино. Во время учебы в России Арслан не писал ей писем, но после приезда домой узнал, что девушка исподволь, через его маму и бабушку время от времени справлялась о нем, после чего еще пару раз встретился с Мяхек. Да и то на эти встречи Арслана подвигла его бабушка. Видя, что прошла уже целая неделя после приезда, а внук все не идет к своей невесте, она не удержалась, напомнила ему о девушке: «Сыночек, ты проведал Мяхек? Она-то чуть ли не каждую неделю звонила к нам, спрашивала про тебя. Мама должна была написать: если тебе неудобно писать ей на дом, присылай ей письма на наш адрес, а мы сами будем передавать ей твои письма. Ты не писал девушке, что-то твои письма к ней не приходили к нам домой?»

Слова бабушки, в которых прозвучал неприкрытый упрек, заставили тогда Арслана вновь задуматься о Мяхек.

Во время предыдущих встреч девушка сказала ему открытым текстом, что мы можем встречаться, но она еще юна, намерена поехать учиться, ну а что касается замужества, еще посмотрим, время покажет. То есть набивала себе цену. Слова девушки, которой он был явно неинтересен, задели Арслана за живое, ведь он был юношей что надо и многие девчонки почитали бы за счастье соединить с ним свою судьбу. Он тогда ответил: «Ах, так? Учись, а после, когда поумнеешь, еще и в аспирантуру можешь поступить!» Дал понять, что не

намерен ждать, когда у нее появится желание выйти замуж, и если ему понравится другая, он непременно женится на ней.

Когда бабушка вновь завела разговор о невесте, ему сразу же вспомнилась последняя встреча с Мяхек, то, как они расстались.

– Вот что, бабуля, твоя родственница – вовсе не тот драгоценный камень, который нужен мне.

Бабушка тогда не сразу сообразила, при чем тут какой-то камень. Ей показалось, что внуку не нравится девушка, поэтому он острит на ее счет, и это не понравилось ей самой.

То, что желанную девушку сравнивают с каким-то камнем, не понравилось тогда не только бабушке, но и матери, которая присутствовала при этом разговоре.

– Ты что это чью-то чудесную дочь обзываешь камнем или еще как! Чем она тебе не угодила?! – возмутилась мать юноши.

Арслану стоило большого труда объяснить двум родным женщинам, что имя девушки происходит от названия почитаемого в народе камня. Мяхек даш означает пробирный камень.

То ли на него подействовал требовательный тон матери и бабушки, то ли их обида на него, только после этого Арслан еще два раза подряд встретился с Мяхек. В последний вечер перед отъездом на учебу он впервые поцеловал девушку под раскидистым тутовым деревом за воротами дома Мяхек. В этот вечер домой он летел на крыльях любви.

Вскоре после отъезда Арслана его младшая сестра получила от него письмо следующего содержания с особым поручением.

Мяхри!

Мяхек почему-то не отвечает на мои письма. Я, как и обещал при расставании, отправлял ей письма на Главпочту, до востребования. Если она не получила их, пусть сходит и получит!

Сходи к ней и передай мои слова!

Арслан.

Вот так между ними сначала завязалась любовная переписка, а потом, не заставив долго ждать, вспыхнуло и пламя любви.

Айназар ага, мечтавший дожить до правнуков, когда Арслан приехал на летние каникулы, на слова родителей девушки, что она еще юна и ей надо учиться, ответил, что пусть женятся и продолжают учиться. Он сыграл большую свадьбу. После этого курсант Мамметханов, каждый раз взмывая в небо, верил, что летит к своей любимой Мяхек.

И хотя самолет летел на большой скорости, ему казалось, что он слишком медленно летит. В такие минуты он вспоминал строки из стихотворения «Медленно летит самолет», написанного поэтом, который, вероятно, переживал такие же, как он, минуты, и тихонько напевал его слова:

Вон там, внизу, облака

Сжимают и раскрывают ладони,

Спеши, спеши, самолет,

Поспеши ты к нам домой.

Покажи-ка, в небо взмыв,

Что не хуже птиц летаешь.

Не гуди и не дрожи,

Проваливаясь в пустоту.

Да ты вовсе черепаха,

Просто вымотал всю душу.

Слишком медлителен самолет,

Когда к любимой ты летишь.

... Называя друг друга «сватьями», женщины находились в прекрасном расположении духа, говорили о внуках и правнуках, связывая с ними свои надежды на будущее. В это время приехала давно ожидаемая Дунья, она вышла из остановившегося у ворот дома черного «Мерседеса». Вспомнив о приехавшей свекрови, она не сразу пошла в ту комнату, а зашла в дом сына и, прежде чем идти туда, повязала на голову платок, чтобы свекровь не подумала, что та начала молодиться и поэтому ходит с непокрытой головой.

Не успела она расспросить старух об их делах, как прибежал младший внук и кинулся в объятья бабушки.

– Бабуль, а почему ты вчера не приходила?

– Работы было много, сынок.

– А сейчас у тебя не много работы? А когда дедушка приедет, у него тоже много работы?

– Скоро приедет, сынок!

От бесконечных вопросов внука Дунью спасла подошедшая невестка, она принесла ей в отдельной посуде угощение. «Дай бабушке поесть!» – ласково сказала она сыну, призывая его к порядку и вставая на защиту свекрови.

Обе старухи с удовольствием слушали воркование младшего внука, с их лиц не сходили ласковые улыбки, а голос внука был для них песней соловья.

После требования матери мальчик, которому не хотелось отходить от бабушки, перешел к другой бабушке – матери Дуньи. Обнимая его, женщина, обращаясь к дочери и ее невестке, встала на сторону правнука:

– Не трогайте моего малыша!

А малышу только того и надо, он снова радостно заверещал:

– А когда дедушка приедет?

– Приедет между тремя и четырьмя часами, – ответила ему Дунья, которая делала вид, что ест, на самом деле была сыта, поэтому лишь макала кусочки хлеба в тарелку и нехотя отправляла их в рот.

Свекрови показалось, что Дунья чем-то обеспокоена, что в ней появилась едва различимая холодность. В этот раз она говорила как-то иначе, речь ее была не той, что прежде. Размышляя над причинами таких перемен, она связала это с тем, что они, уже имея внуков, до сих пор ведут себя как влюбленные голубки. Знала мать и об их недавней размолвке. «Пусть все кончится добром!» – мысленно пожелала она. Сейчас ей не хотелось искать других причин непонятного настроения невестки, кроме обычных ссор, которые время от времени случаются между мужем и женой в любой семье.

Никто не заметил ухода непоседливого малыша, который вообще не мог усидеть на месте, и лишь когда он вышел из соседней комнаты, все обратили на него свои ласковые взоры. На этот раз у него в руках были часы в виде избушки. Он показал часы Дунье: «Бабушка, посмотри, уже три-четыре часа, время приезда дедушки настало?» Его вопрос развеселил всех, кто находился в комнате, вызвал на лицах улыбки.

Неожиданно зазвучала приятная мелодия – это на мобильник Дуньи поступило сообщение. Но все насторожились. Дунья пододвинула к себе лежащую неподалеку сумку, достала из нее мобильный телефон и, едва заметно нахмурившись, поднесла его к уху.

– Слушаю!

– Срочно позвоните начальнику!

– А где он?

– В офисе, на своем месте сидит!

Увидев, как разговаривает невестка по невиданному телефону, мать Хасара удивилась, ей стало не по себе, словно она коснулась рукой чего-то неприятного. В Туркменистане такие телефоны были большой редкостью, их могли позволить себе только известные люди, руководители государства, ну и те, кто разбогател в последние годы. Для обычных людей ни сами трубки, ни плата за них были не по карману.

Дунья отодвинула миску, давая понять, что сыта, взяла половину лежащей перед ней лепешки, завернула ее в сероватого цвета тканый из верблюжьей шерсти сачак. Затем взяла трубку и отправилась в соседнюю комнату, чтобы спокойно, без посторонних ушей, поговорить по телефону.

Теперь до сватьи из-за закрытой двери доносился приглушенный голос женщины.

Свекрови было известно, что Дунья, до того никогда в жизни нигде не работавшая, совсем недавно устроилась на работу. Поначалу она думала: «Зачем ей работа, сидела бы дома с внуками!», но потом, вспомнив, какое время на дворе, когда за достатком надо гоняться, связала ее поступление на работу именно с необходимостью поддержать семью материально. «Наверно, так было надо!», – подумала она.

Вернувшись из соседней комнаты, Дунья сообщила матери и свекрови, что ее ищут на работе, на ходу попрощалась с ними и быстро ушла.

Свекровь, привыкшая видеть свою невестку домохозяйкой, ее новый образ жизни не одобрила. Она внимательно наблюдала за тем, как Дунья собирает сумку, кладет в нее мобильник, и теперь с беспокойством смотрела вслед удаляющейся невестке.

Мать Хасара, проведя два дня с внуками и вдоволь насладившись общением с ними, пригласила всех к себе в гости в связи с приближающимся купальным сезоном. Брату уже стало легче, она видела это, поэтому засобиралась в обратную дорогу.

Хасар сам отвез мать на вокзал. Пока они ждали прибытия поезда, Хасар видел, что матери хочется что-то сказать ему. Но мать так и не решилась озвучить свои мысли. Хасар же по своему расценил печальный взгляд матери, подумал, что мать беспокоится за своего больного брата и хочет просить сына, чтобы он был внимателен к нему.

Но Хасар ошибался, переживания матери вовсе не были связаны с ее больным братом. Она хорошо знала и была уверена, что Хасар в любом случае ничего для дяди не пожалеет и сделает для него все возможное. Неприятное чувство, похожее на тревогу, было связано не с братом, а со снохой, с Дуньей. Ей почему-то не понравилось, как та важничает, носит в сумке мобильный телефон, не понравилась напряженность, которая ощущалась в ее поведении. Это была не прежняя Дунья, которую она любила как собственную дочь. Неожиданные перемены в невестке заставили старую женщину задуматься. «Господи, что же с ней такое творится?! Она отводит взгляд, не может прямо посмотреть в глаза, и вид у нее какой-то виноватый, глаза прячет...» расстроено думала она.

* * *

Прозрачная вода округлого бассейна, выстроенного рядом с шикарным домом, при свете фонарей отливала золотом. Этот небольшой двухэтажный особняк был выстроен одной из турецких компаний, работающих на территории Туркменистана, специально для Гарабашова – заместителя Председателя Кабинета Министров, человека, приближенного к руководству страны. Бизнесмены уподобили его загородным резиденциям, в которых любят отдыхать состоятельные люди из Стамбула, Анкары, и в благодарность за оказываемое им содействие построили его подальше от людских глаз, за городом.

Документы на владение домом были оформлены на любимую женщину влиятельного государственного чиновника Гарабашова – Гулендам. Этот дом стал излюбленным местом его отдыха. Сюда он приезжал время от времени,

чтобы быть подальше от шума и суеты города и вместе со своей возлюбленной насладиться тишиной и природой.

Потягиваясь и стряхивая с себя капли воды, из бассейна одна за другой вышли три женщины, они завернулись в белоснежные банные полотенца и разместились на лежаках, расставленных вокруг бассейна. Сейчас они были похожи на русалок, вынырнувших из белой морской пены. Испытывая блаженство от только что принятой водной процедуры, женщины некоторое время молчали, прикрыв глаза и ощущая, как впитываются в кожу, разглаживая ее, прозрачные капельки воды.

Оживились женщины лишь после того, как Гулендам, хозяйка дома, прикатила стоявшую неподалеку тележку, уставленную бутылками воды, пива и другими напитками, и поставила перед ними. Сразу же нашлись и темы для общего разговора.

Жажду утолили пивом, после чего беседа женщин и вовсе оживилась. Сейчас они, как три подруги на берегу моря, переживали счастливые минуты своей жизни.

Изначально Дунья и Гулендам встретились по делам службы, но вскоре их отношения приобрели дружеский характер.

Гулендам сразу же прониклась симпатией к Дунье, которая, несмотря на солидный возраст, следила за собой и хорошо одевалась, умела подать себя. Считала ее своей опытной советчицей. Недавно по совету Дуньи она сшила себе платье нового кроя, на которое даже Гарабашов обратил внимание: «Это платье очень идет тебе!» – отметил он. Все эти мелочи еще больше привязали ее к Дунье, сблизили их и укрепили дружеские отношения. Они постоянно перезванивались, теперь Гулендам предпочитала ходить в гости вместе с Дуньей.

Когда возникла необходимость встречи с Гарабашовым, это место Дунье подружески предложила сама Гулендам. До сего дня Гарабашов ни с кем и никогда не устраивал здесь деловых встреч.

Женщины прибыли сюда пораньше, чтобы в спокойной обстановке обсудить предстоящую вечером встречу, а заодно, наслаждаясь тишиной, отдохнуть и

набраться сил в прекрасном особняке Гули ханум.

Стороны наконец-то завершили затянувшиеся на долгое время работы, связанные с подготовкой расчетов и документов по приватизации «Рудника».

К подготовке бумаг, необходимых для получения разрешения от Кабинета Министров, были привлечены натасканные в этом деле юристы. Так что все было сделано безупречно, придаться не к чему. Но чтобы провести их через Кабинет, этого было недостаточно. Для успеха предприятия надо было заручиться поддержкой сильных мира сего, как это делали многие иностранные компании. Предусмотрительные турецкие бизнесмены заверили, что таковы порядки в мире, где правит капитал, что часть стоимости предстоящих работ отдается должностным лицам, помогающим добиться результатов.

И с тех пор это стало неписаным правилом, по которому все чаще жила страна.

Многие из высокопоставленных чиновников, пойдя по этому пути, стали обладателями несметных богатств.

Руководители компаний, получивших поддержку, в благодарность за содействие покупали виллы и многоэтажные особняки на лазурных берегах Турции, Италии и преподносили их в дар тем чиновникам, чем добивались успеха своего предприятия. Обычно в таких делах бывал посредник, который сводил стороны. Вот таким посредником и доверенным лицом в нашем случае была Гулендам ханум.

О ее щедрости ходили легенды. О ней говорили: что Она никогда не мелочится, даже за прическу может дать парикмахеру тысячу долларов чаевых. Людям, прожившим семьдесят лет при советской власти, поверить в такое было невозможно. В ту пору позволить себе такое расточительство не могли не только жены власть имущих руководителей района, области, но даже жены богатых министров. Потому что существовало всевидящее око Кремля, а также его крепкий кулак, которые не только все видели, но и всему вели счет, а в случае необходимости могли принять меры.

Около девяти часов в надежде на скорое появление Гарабашова прибыли Аннов и Сорар Йюлюк.

Женщины увидели, что вместе с ними прибыл и Хемра Календар, имя которого среди приглашенных в этот дом не значилось.

Когда есть волшебные напитки, ждет готовая парная, из которой можно напрямик нырнуть в прохладную воду бассейна, кто же устоит перед этим.

Мужчины решили до приезда Гарабашова немного развлечься. Посетили парную, потом плавали в бассейне. Ждали Гарабашова.

Наконец перед домом остановилась долгожданная машина Гарабашова. Все вскочили с мест и толпой направились к воротам.

Увидев толпу встречающих, закутанных в банные полотенца, Гарабашов сделал удивленный вид, но потом, окинув орлиным взглядом присутствующих, все понял. Ему пришлось по душе такая торжественная встреча, он показал это видом своим, улыбнулся и сострил:

– Надеюсь, запись в клуб полураздетых не окончена?

– Нет, ты вовремя прибыл, у нас как раз одно местечко осталось вакантным, – в тон ему ответила Гулендам.

Гарабашов одарил ласковым взглядом Гулендам, кокетливо смотревшую на него и готовую в любую минуту прыгнуть ему в объятия, а затем по-хозяйски положил ее руку в свою ладонь.

Несмотря на то, что Гарабашов был знаком с большинством из присутствующих, Гулендам ханум одного за другим представила ему гостей. Отвечая им приветливым взглядом, Гарабашов с каждым из них поздоровался за руку. И лишь здороваясь с неожиданным гостем Хемра Календаром, он слегка нахмурился, и на его лицо опустилась невидимая темная пелена. Правда, никто, кроме Хемрой, этого не заметил. Во взгляде Гарабашова он прочитал: «А ты что тут делаешь?» Но Хемра не стал сильно расстраиваться, потому что знал причины холодности Гарабашова по отношению к нему. ...При помощи Гарабашова он первым получил разрешение на разработку и владение туркменскими месторождениями горных руд и положил начало плеяде новых богатых туркмен. Конечно, получить в собственность государственное имущество было не так-то просто. Но когда за Хемрой Календара слово замолвил человек, которому

Гарабашов отказать не мог, дело было сделано. Этот человек был мужем его двоюродной сестры...

Гарабашов жил в одном из отдаленных сел и был очень беден. Собираясь в Ашхабад, он взял напрокат у одного земляка рубашку, у другого обувь, а приехав в столицу, остановился в доме этого дальнего родственника. И когда он не сумел поступить в институт, именно муж двоюродной сестры пристроил его в техникум, чтобы он хоть какое-то образование получил. И именно этот родственник внушал ему: «Если ты будешь ворочать нос от их водки и женщин, русским это не понравится, а если не понравишься русским, не будешь расти, а ты юноша, который должен расти, так что на, выпей!» – и научил его пить водку.

Гарабашов не был человеком неблагодарным. Поднимаясь по ступеням служебной лестницы, он никогда не оставлял без внимания семью двоюродной сестры, жившую на одну зарплату.

Родня родней, но в таких больших делах без взятки не обходится, тем более в делах, сулящих немалую выгоду. Хемра это знал как никто другой. Его последняя жена, восемнадцатилетняя девушка, была дочерью того самого родственника Гарабашова. Вступая с ней в брак, Хемра руководствовался исключительно меркантильными интересами. Однако благодарности за ту немалую услугу не последовало, вернее, не совсем так. Добившись при помощи тестя от Гарабашова своего, Хемра собирался при его же помощи отблагодарить своего благодетеля. Но о том, что немалую сумму денег, предназначенных для Гарабашова, любитель выпивки тесть не передал последнему, Хемра узнал случайно, когда тот в пьяном угаре кричал: «Кем бы ни был Гарабашов, денег от меня не получит, это я вывел его в люди...» Он тогда сильно расстроился. Надо было как-то исправлять положение. Потому что знал, что если эти люди не получают свою мзду, не пощадят не только зятя, а маму родную не пожалеют... Теперь он опасался этого человека, боялся, что тот рано или поздно отомстит ему. Узнав, что тесть не передал деньги Гарабашову, он потерял покой и сон, решил: во что бы то ни стало встретиться с Гарабашовым. Но все его старания были напрасными, он все никак не мог увидаться с этим человеком. Прослышав о том, что турок и Аннов собираются втайне встретиться с Гарабашовым, понял, что его час настал. Хитрый, как ворон, разве мог Хемра Календар упустить такой удобный случай?! Когда он, Аннов и турок отправились на встречу с Гарабашовым, он прихватил дипломат с предназначенными тому деньгами и увязался за ними в качестве сопровождающего.

И поэтому, когда Гарабашов начал здороваться с гостями и пристально посмотрел на него, Хемра Календар приготовился услышать в свой адрес нелюбезное:

"А ты что тут делаешь?"

Радуюсь приходу Гарабашова, Гулендам мотыльком порхала вокруг него. Ласково спросила:

– Если ты проголодался, можем сразу же приступить к еде. А то, может, вначале попаришься да освежишься, а уже потом сядем за стол?

Гарабашов еще раз понимающе окинул собравшихся многозначительным взглядом и решил поддержать их хорошее настроение.

– Да, нет, я не очень голоден, пару часов назад перекусил. И потом, должен я поравняться с ними! – он снова улыбнулся и окинул взглядом окружающих.

Стоявшие подобострастно закивали головами, радуясь, что человек такого высокого ранга ставит себя на одну ногу с ними. Гулендам проводила его в раздевалку, раздела почти догола и, как и всем остальным, накинула ему на плечи пушистое банное полотенце. Как только Гарабашов зашел в баню, Гулендам, прихватив с собой заранее заготовленную пиалу меда, последовала за ним, чтобы, как и всегда в таких случаях, натереть любимому медом грудь и спину, а также лицо. Остальные мужчины вначале хотели идти в баню вместе с Гарабашовым, но после того, как туда вошла Гулендам, изменили свои намерения, поняв, что там они будут лишними. Сели с краюшку обеденного стола и в ожидании хозяина баловались пивком.

Войдя в сауну, Гарабашов сразу же задохнулся от жары, но постепенно привык к высокой температуре. Гулендам мазала медом, а потом гладила и потихоньку массировала его тело, а он в ответ поглаживал ее бедра и подшучивал над ней, но потом, наслаждаясь паром, забыл обо всем на свете и начал сильно потеть. Дышать здесь было трудновато, но Гарабашову было приятно ощущать, как тело становится легким, а мысли четкими и сконцентрированными. Он даже задремал.

Когда Гарабашов наконец вышел из парной и прыгнул в прохладную воду бассейна, уставшие ждать его люди облегченно вздохнули: «Ну, наконец-то!» им казалось, что ожидание затянулось и продлилось дольше положенного.

Как только Гарабашов, всем своим видом показывая полученное удовольствие, вылез из бассейна, Гулендам накинула ему на плечи заранее приготовленное полотенце. Сорар Йюлюк взял со стола один из наполненных бокалов и услужливо протянул его главному в их компании человеку, помня, что сегодня от него зависит успех предпринятого ими дела. Стукнувшись бокалами с остальными, Гарабашов залпом выпил его содержимое. Затем все вместе сели за стол. Гулендам и Гарабашов заняли одну сторону стола – так они делали при проведении важных переговоров, а по другую сторону стола разместились все гости. Вскоре на стол стали носить тарелки с аппетитно пахнущим угощением. Во время еды Гарабашов сидел вполоборота к Гулендам. Женщина мастерски орудовала ножом и вилкой: отрезала от мяса маленький кусочек, цепляла его вилкой и аккуратно отправляла в рот. Другой рукой она отламывала кусочек лепешки и тоже отправляла в рот вместе с кусочком мяса. Ела она неспешно, с достоинством, запивая еду глотком жидкости. Все ее действия очень шли к ее красивому и гордому облику. Гарабашов, словно забыв, для чего они тут собрались, очень долго не заговаривал о проекте. И даже когда разговор зашел о документах на «Рудник», он почему-то не стал распространяться на эту тему. Только сказал: «Я ознакомился с конспектом проекта. Вы, конечно, тщательно его подготовили, все учли, если и дальше так пойдет, посмотрим. Я даже обговорил этот вопрос с нашим высокочтимым высшим руководством страны. Он сказал: «Если есть такие ребята, которые будут работать по-настоящему, надо им помочь, но, прежде чем узда будет выпущена из рук, сами все внимательно изучите, чтобы потом никаких не было недоразумений». Этими словами он и собственную цену обозначил, но для собравшихся сейчас главным было то, что Руководитель страны знает об их проекте и даже одобрил его, поэтому они были счастливы.

Турецкий бизнесмен Сорар Йюлюк, привыкший в такие минуты высказывать свою искренность и особую преданность, взял в руки бокал и встал с места:

– Предлагаю поднять этот бокал за здоровье нашего руководителя страны!

После еды Гарабашов решил еще немного поплавать в бассейне. Он снял с себя полотенце, в которое был завернут целиком, и накинул его на плечи вставшей вместе с ним из-за стола Гулендам, готовой в любую минуту услужить ему.

Выпитые бокалы горячительного сделали свое дело: у Гарабашова пробудился интерес к окружающему миру. Затуманенным взором разглядывал он здешних женщин. И даже пару раз бросил озорные взгляды на Дунью, закутанную в белое полотенце и оттого похожую на прелестную куклу. Да и Дунья в этот момент подумала о том, что она, несмотря на возраст, все еще хороша собой и привлекательна для мужчин. Но после Гарабашов уже не смотрел в ее сторону, отчего она с грустью и некоторой обидой в душе подумала: о своем возрасте.

Потом Дунья увидела, как Гарабашов прохаживается с турчанкой Гульовсер и о чем-то оживленно с ней беседует.

– Эта баба, как увидит смазливового мужика, сразу же приклеивается к нему, как банный лист!

Дунья вспомнила, как вела себя эта женщина при встрече с Хасаром, и сейчас при виде этих двоих испытала чувство ревности. Она представила, как эта бесстыдница турчанка дразнит Гарабашова своей полной красивой грудью и притягивает его к себе, и расстроилась, потому что Гарабашов нравился ей, и она хотела бы сейчас быть на месте этой проныры-турчанки и слышать его сладкие речи и обращенные к ней самой комплименты.

Когда Гарабашов снова отправился в бассейн, чтобы еще немного поплавать, Аннов и Сорар Йюлюк отошли в сторонку покурить, а заодно еще раз обсудить все вопросы, связанные с их общим делом. Хемра Календар понял, что наконец-то настал момент истины, он не должен упустить свой шанс, а потому вслед за Гарабашовым прыгнул в бассейн. Вначале они плавали каждый сам по себе, но спустя какое-то время отплыли в сторонку и, прислонясь к стенке бассейна, начали о чем-то оживленно беседовать, поддакивая и кивая друг другу головами, улыбаясь друг другу, отчего можно было догадаться, что они нашли общий язык.

Когда после перерыва снова собрались за столом, Гарабашов попросил Хемра, чтобы тот пересел поближе к нему.

С вечеринки Дунья вернулась домой под утро. Когда она вышла из машины возле своего подъезда, город находился во власти глубокого сна. Неожиданно задул утренний прохладный ветерок, он словно из-под земли вырос. Ветерок ласково погладил лицо Дунья, спутал ее волосы. Ей очень хотелось спать, у нее

слипались глаза. Выходя из машины, она повернулась к Аннову:

– Сегодня меня не жди, я словно избитая, сил нет! Хоть выплюсь!

– Выспись! – зевая и потягиваясь, коротко ответил Аннов.

Дунья почувствовала в его тоне нотки благодарности и услышала его непроизнесенные слова: «Дело сделано, теперь можно и передохнуть немного!»

Чтобы не разбудить Хасара, Дунья открыла дверь своим ключом и тихонько вошла в дом, но, увидев свет в гостиной, удивилась. Подумала, что к ним кто-то приехал в гости. Распахнув дверь комнаты, она увидела Хасара за чтением какой-то книги.

– Тебя что, в госпиталь вызвали, что ты так рано встал? – притворно удивленным голосом спросила Дунья.

Хасар не торопился отвечать, закрыл книгу, положил ее рядом с собой и только после этого полуобернулся в сторону Дуньи и пристально посмотрел на нее. Дунья увидела, что лицо мужа потемнело и выглядело очень усталым. С ним и раньше случалось быть таким уставшим. Во время службы в Германии он уходил на учения, длившиеся по нескольку дней, и оттуда возвращался вот с таким же изможденным лицом. Дунья, забыв обо всем на свете и весело проводя время в компании коллег, не догадывалась, что Хасар провел без сна всю ночь, размышляя о сложившейся в семье обстановке. Тяжелые думы не дали ему уснуть. Хасару казалось, что с тех пор, как Дунья начала работать, она сильно изменилась и стала другим человеком. Растущее между ними отчуждение пугало его ожиданием какой-то непредсказуемой беды.

Хасар встал с места, подошел к Дунье вплотную и внимательно посмотрел на нее, всем своим видом демонстрируя недовольство.

– Что, Дунья, ты теперь всегда так будешь вести себя?

Дунья, едва державшаяся на ногах, понимала, о чем идет речь, но притворилась, что ничего не понимает, ладонями прогладила щеки. Ее насторожило поведение Хасара, никогда прежде она не замечала за ним агрессии.

Вечеринка получилась такой интересной, такой увлекательной, что за весь вечер Дуня ни разу не вспомнила ни о муже, ни о доме. С головой уйдя в игру слов и взглядов и получая от этого удовольствие, она забыла обо всем на свете. Мобильники были отключены, чтобы они не звонили в неурочный час и не отвлекали от веселья. Видно, хорошо они там погуляли, потому что вся одежда некурящей Дуни и пропиталась запахами табачного дыма и алкоголя, и даже казалось, этот горький запах исходит от ее тела. Короче, Дуня источала запахи, которые особенно остро ощущаются там, где не курят и не пьют.

Не зная, что ответить Хасару, она сделала вид, что не понимает, о чем речь, склонила голову набок и слегка пожала плечами.

Хасар не стал больше ждать ее ответа, оделся, взял сумку, с которой всегда ходил на работу, и вышел из дома.

Дуня еще немного постояла в прихожей, прикрыв сонные глаза, потом широко зевнула и отправилась в спальню. Только теперь она увидела, что постель, которую она заправляла вчера утром, осталась нетронутой.

Поняла, что Хасар так и не ложился и всю ночь прождал ее.

* * *

В последние пять-шесть месяцев на Хасара навалились неожиданные заботы и переживания. Больше всего его беспокоило то, что обстановка накалялась, что все, за что он брался, валилось у него из рук и выходило наоборот. В эти дни он испытывал непонятные чувства, словно человек, заблудившийся и не знающий обратной дороги, попавший в незнакомые места. Ему не нравилась работа Дуни, он видел, как она меняется на глазах, и очень из-за этого переживал. Пусть эти перемены в жене не такие страшные, пусть они маленькие, но он-то все видит, все замечает! Его ненаглядная жена, его любимая женщина на его собственных глазах втягивалась в непонятную историю, называя ее бизнесом, голову потеряла и постепенно превращалась в другого человека. Еще одной причиной его переживаний были натянутые отношения с начальником госпиталя. Хасар чувствовал, что начальник госпиталя ищет повод, чтобы избавиться от него, и не упускает ни малейшей возможности, чтобы не задеть его, не уколоть больнее. Но тогда Хасар еще толком не догадывался, что начальник госпиталя, развернув собственный бизнес на больных солдатах и

поняв, какую выгоду можно из него извлекать, ни за что не захочет понять его, а тем более найти с ним общий язык.

Эти холодные отношения с начальством не дали Хасару возможности порадоваться и насладиться результатами удачно проведенной дяде-фронтowiку операции.

Поначалу он очень боялся, что операция может пройти неудачно, что он не сможет помочь своему дяде и облегчить его страдания. И тогда получится, что он собственными руками добил человека, которого не смогла убить вражеская пуля, и тогда он всю оставшуюся жизнь будет винить себя в этом, не говоря уже о том, как ему после этого смотреть в глаза родным.

Эти переживания оказались напрасными, Хасар

блестяще провел операцию и был счастлив, что ему удалось вырвать дядю из цепких лап смерти и с вернуть к жизни.

Хасар не того боялся, что ему придется доставать пулю из груди дяди, он боялся, что пуля могла заплесневеть в теле дяди, и эта плесень, проникнув в кровь, могла вызвать другую опасность, во время операций подобного рода и такое случалось. Но на счастье во время операции удалось избежать всех этих побочных явлений, и теперь рана заживала и постепенно затягивалась. Конечно, он знал, что в этом вопросе ему здорово помог настрой самого дяди, который не поддавался унынию и верил в успех операции.

... На следующий день после операции, придя в себя, дядя увидел сидящую возле его кровати жену и сделал ей знак, чтобы она подставила ему ухо. Жена подумала, что он хочет попросить воды или еще чего-то, и склонилась над дедом. Старик, едва шевеля губами, прошептал:

– Жена, племянник долго рылся внутри меня, пока искал моего «немца», так что, похоже, он много чего лишнего оттуда убрал. Ты, давай, пощупай меня, проверь, твое-то хоть осталось на месте?

Женщина, не ожидавшая от мужа, находившегося на грани смерти, такой шутки, возмутилась:

– Восемьдесят лет прожил, а ума не нажил, боюсь, что теперь и не наживешь! – ругалась она, но в душе радовалась, что ее дед даже в таком тяжелом состоянии не падает духом.

И хотя старик сказал эти слова шепотом, их услышал больной с соседней койки, а затем узнали и остальные больные.

Когда лежишь в палате, пропахшей лекарствами, среди этих надоевших больничных стен, такие шутки дорогого стоят.

Теперь и медсестра, по несколько раз в день заходящая в палату, чтобы сделать уколы и перевязки, справиться о состоянии больных, при виде старика, пряча улыбку, опускала голову, давая понять, что она тоже слышала об этой шутке.

И из соседних палат приползали больные, чтобы увидеть этого старого шутника, бросали на него таинственные взгляды.

И лишь начальник госпиталя, прослышав об этой шутке старого солдата, сделал из нее совсем другой вывод. В один из дней, во время обхода больных, он, даже не поинтересовавшись состоянием деда, как это делал обычно, с холодным лицом коротко бросил на ходу: «Если он в состоянии шутить, значит, старик чувствует себя хорошо, в ближайшие дни готовьте его к выписке!»

Старик, не знавший об отношениях своего племянника с начальником, был поражен тем, как этот человек при виде его начинал кривить рот и совершать неприличные действия, не подобающие его чину. Он бросил эту фразу в надежде на то, что находившийся вместе с ним во время обхода Хасар придет к нему на поклон и попросит: о продлении срока лечения.

В тот день Хасар навестил дядю еще раз, чтобы справиться о его состоянии, и тогда старик выказал ему свое недовольство: «Племянник, я не понял, что означают слова твоего начальника, сказанные сегодня утром?» Осматривая рану больного, Хасар ответил:

– Дядя, сколько времени потребуется для вашего лечения, столько и будем мы вас тут лечить. Мы лучше знаем, что надо больному. Пусть кто угодно и что угодно говорит, мы всегда поступали по-своему и так будет и впредь. Так что можете быть абсолютно спокойны! – Хасар дал понять дяде, что он сумеет его защитить и никому не даст в обиду.

* * *

В день выписки дяди из госпиталя Хасар вылетел утренним рейсом в Мары. Оттуда пришло сообщение, что в Иолотани в десантной части молодой командир совершил неудачный прыжок и получил серьезную травму, что он нетранспортабелен, поэтому его невозможно везти ни в Мары, ни в Ашхабад, поэтому обратились за помощью в военный госпиталь, где работали опытные хирурги.

В аэропорту его поджидала машина, на которой он срочно выехал в Иолотанскую больницу.

Выйдя из машины возле больницы, Хасар увидел статного мужчину – командира полка в чине подполковника, лет 50, который нервно прохаживался по двору и курил одну сигарету за другой. Он был одним из тех, кто с нетерпением ожидал прибытия столичного врача. Как только Хасар вышел из машины, устремившийся ему навстречу офицер увидел перед собой старшего по чину офицера и по-военному отдал честь, поднеся руку к виску. Затем подал руку.

– Как долетели? – для приличия спросил он, но всем своим видом молил врача о помощи. Вместо ответа Хасар молча кивнул головой, он видел, как волнуется командир, но в тот момент о причинах его беспокойства не догадывался. Узнал о них лишь после рассказа его адъютанта, услужливо распахнувшего перед ним дверь в отделение.

– Товарищ полковник, парень, которому вы приехали помогать, сын встретившегося вам у входа подполковника, причем, его единственный сын, – подчеркнул он.

В голосе парня тоже звучала мольба: «Доктор, сделайте все, что можете, помогите нам!»

Хасар не служил в десантных войсках. Но в какой-то степени ему был знаком род их деятельности. В советское время это были малочисленные войска, и считались они элитными. В них брали только самых достойных и смелых парней.

... В 1968 году, когда встал вопрос о подавлении так называемого чешского мятежа, десантники во главе со своим легендарным командиром генералом Маргеловым такой «фокус» показали, что ни иностранные государства, ни сами чехи не поняли, что же произошло.

... Поздно вечером с военного аэродрома Калининграда один за другим в воздух поднялись девять истребителей и десантники 97-й гвардейской дивизии журавлиным клином выстроились за самолетом, летевшим из Парижа в Прагу, обманули воздушные службы чешских военных, вынырнули совершенно в неожиданном месте и вызвали у противника растерянность и смятение.

Не успел сесть парижский самолет, а десантники белыми пятнами рассыпались в воздухе, и пошли вниз, накрыв небо над Прагой своими белыми парашютами.

Растерявшийся при виде атаки десантников руководитель Чехословакии Дубчек уже через два часа летел на специальном самолете в Москву на поклон к Брежневу...

Когда лейтенант Сексенбаев со своими десантниками захватил здание правительства, Дубчек в своем кабинете проводил совещание со своим окружением...

В ту пору Хасар был одним из военных врачей, прибывших в Прагу на пятнадцатый день после взятия города для оказания помощи пострадавшим. Проезжая на машине по городским улицам Праги, он видел вывешенные на многих домах плакаты: «Прочь, разбойники генерала Маргелова!»

По тому, как важничали эти самодовольные десантники, знал он и о том, что они стараются соответствовать тем представлениям о себе, какие выведены в их песне:

Туда, куда не смогут танки пробраться,

Туда, куда не сможет пуля долететь,

Туда, где другие в бою не смогут победить,

Десантника запустите – любого одолеет он врага!

Узнав, что он прибыл в десантную часть, Хасар вспомнил этот куплет из песни, оставшийся в памяти с тех давних времен.

Осмотрев юношу-десантника, чей парашют при прыжке не раскрылся, Хасар сразу же понял, что как врач ничем не сможет ему помочь. Он еще не закончил осмотр, как юноша, пошевелив губами, словно желая что-то сказать, ушел из жизни. Не так давно этот юноша окончил Рязанское высшее военное десантное училище имени генерала Маргелова и пару лет назад поступил на службу в полк своего отца. Он женился всего год назад. Думая о юноше, Хасар невольно сравнивал его со своим сыном Арсланом.

Арслан с детства мечтал стать военным, как и его отец, и впоследствии стал военным летчиком.

Может, и этот юноша решил пойти по стопам отца и избрал судьбу военного человека.

Лейтенант, встречавший Хасара, направлялся вместе с ним к машине, чтобы отвезти его в Марыйский аэропорт и проводить. Вдруг он заметил бегущую в их сторону женщину в белом халате, она бурно жестикулировала и что-то выкрикивала. А бежала она со стороны двухэтажного корпуса, на котором крупными буквами выведено «Роддом». При виде ее адъютант командира лейтенант замедлил шаг, подумав, что опять случилась беда. «Неужели и с ней что-то случилось?» – беспокойно подумал он, остановился, как вкопанный, и буквально замер на месте.

В тот момент, когда молодого десантника привезли в больницу, у его беременной жены начались схватки, ее пришлось везти в роддом. Но когда юноша-десантник скончался, его мать, до того бегавшая между отделениями больницы, рыдая, упала на тело сына и осталась рядом с ним. Спешащая к ним женщина заставила лейтенанта остановиться и в ужасе думать, что с роженицей что-то случилось.

Подбежав ближе, женщина радостно улыбнулась.

– Бушлук*, скажи полковнику, что у него родился внук! Три кило девятьсот грамм весит – богатырь!

От охватившей его радости, да еще в такой момент, лейтенант неожиданно выронил из рук чемоданчик Хасара, а потом крепко обнял женщину в белом халате и, сотрясаясь всем телом, зарыдал.

– О, Аллах, неужели Ты вернул Азатджана?!

Он торопливо попрощался с Хасаром возле машины и побежал следом за толпой, которая уносила из больницы домой тело юноши-десантника. Верил, что радостная весть станет для его командира утешением.

Из Мары Хасар вернулся без настроения. Перед его глазами все еще стоял двадцатитрехлетний юный лейтенант.

На собственном примере он хорошо знал, как вырастают вот такие военные парни.

Как и в древности, защита Родины была достойнейшим занятием, а с тех пор, как Туркменистан стал независимым государством, профессия защитника Отечества снова вернулась в жизнь туркмен.

Его сын Арслан с детства был влюблен в военную форму своего отца, завидовал ему и мечтал стать таким же, как отец, достойным уважения военнослужащим. Еще ребенком Арслан любил надевать на себя отцовскую фуражку и красоваться в ней перед зеркалом, гордо отдавать честь... Хасар все это очень хорошо помнит.

Может, поэтому он так остро воспринял смерть молодого офицера, хотя, как врач, на своем веку повидал немало смертей.

А в Ашхабаде его ждала очередная ловушка начальника госпиталя. По мнению начальника, уж на этот-то раз Хасар непременно угодит в капкан, и тогда все встанет на свои места, как он того хотел.

В тот день, когда Хасар срочно улетел в Мары, завхоз, проводивший в его кабинете учет имущества, принес в кабинет начальника белый носовой платок: «Вот это наши ребята нашли в кабинете врача Мамметханова». В уголке платка обнаружили узелок, в котором было спрятано 200 долларов. Это был тот самый платок, который Хасар видел в руках старика, пришедшего просить прооперировать внука. Тот, видно, не решился в открытую дать взятку и решил оставить платок на столе в надежде, что Хасар потом найдет его и возьмет деньги себе. Помнится, Хасар наткнулся на этот платок, подумал тогда, что расстроенный старик забыл его на столе, но не придавал этому никакого значения. А потом и вовсе забыл о нем.

Начальник госпиталя тогда сам посоветовал старику поступить именно так, пообещав освободить его внука от воинской службы, если ему будет сделана операция. Заметив, что Хасар стал более внимательно относиться к юноше, начальник поверил, что это результат взятки, которую ему дал старик. С удовлетворением вспомнил деда, который любил повторять слова Сталина: «Нет людей, которые бы не брали взятки, а если не берут, то в том виновата не взятка, а ее размер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/allanazarov_agagel-dy/zharkoe-letto-hazara

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)